

Л. А. Мазуркевич

**Невыдуманные
истории**

Рассказы

Горловка
АДИ ГОУВПО «ДонНТУ»
2017

ББК Ш6(4Ук)6-4
М 139

Мазуркевич Л. А.

М 139 Невыдуманные истории:
рассказы / Л. А. Мазуркевич.
– Горловка: АДИ ГОУВПО
«ДонНТУ», 2017. – 207 с.

ББК Ш6(4Ук)6-4
© Мазуркевич Л. А., 2017

Предисловие

Сколько себя помню, мне всегда нравилось наблюдать за жизнью людей, животных, за природными явлениями. Все жизненные и природные истории осмысливались мною, вызывали определенные эмоции, будили мысли и просились на бумагу.

Написание этих историй чаще бывало спонтанным, иногда под воздействием чувств или воспоминаний. Чаще всего это правдивые истории, которые мне поведали люди, а иногда свидетелем или участником которых была я сама. Мне повезло: вокруг меня всегда было много прекрасных людей, которые относились ко мне с большим доверием и добром. Это они являются героями моих рассказов.

Свою первую «повесть» я начала писать еще в ранние детские годы, когда только научилась читать и писать: с первого класса я вела дневник своей жизни, куда записывала все, что со

мною происходило, выливалась на страницы дневника свои переживания, тайны первых встреч и чувств, первых влюбленностей. Туда же записывались и мои первые стихи. Стихи писались легко и обо всем. Много писала тогда патриотического, гневно обличала неправду и несправедливость. Но больше всего в этом дневнике было моего детского переосмысления происходящих событий.

Помню, мои дневники составляли уже целое собрание толстых тетрадей с бесценным опытом моей маленькой жизни, когда вдруг они попали в чужие руки. Я была потрясена: мои мысли могли прочитать другие люди! Они могли прикоснуться к моим тайнам, которые я не была готова делить с кем-либо, кроме дневника. И я сожгла дневники...

Прошли годы, я больше не писала дневников. Но мой первый опыт дал осознание того, что не следует иметь тайны. Надо жить открыто и честно,

помогать людям, уметь их выслушивать, поскольку в наш суетной час с дефицитом свободного времени мы не умеем не только слышать других, но и слушать.

А я слушаю, сопереживаю, не остаюсь равнодушной...

И пишу...

ОБИДА

Было это еще в годы Великой Отечественной войны. Надя, молодая и красивая восемнадцатилетняя девушка, окончив курсы медсестер, получила назначение на фронт. Страшно было, но она страстно хотела помочь своей Родине победить врага. Только не знала она, какие испытания приготовила ей судьба.

На фронте она повстречала любовь. Он после тяжелого ранения оказался в госпитале, где служила Надя. Выживая его, Надя влюбилась в молодого капитана. А когда он пошел на поправку, ей он стал бесконечно дорог, и капитан не смог оставить Надю навсегда. Шла война, а они решили пожениться и вместе отправиться на фронт, туда, где была и сражалась его часть.

Шел 1943-й год. В одном из боев тяжело ранило Надю. Мина, разорвавшаяся неподалеку, нашпиговала ее осколками так, что Наде потребовалось

несколько операций. Осколки достали не все. Надю комиссовали. Дома ее никто уже не ждал, поскольку родители погибли. А ехать к его родителям в таком состоянии она не захотела. Решено было, что она поедет к своей сестре в Курск, который только что освободили от немцев.

Город лежал в развалинах. Сестра кое-как разместила в своей полуразрушенной квартире Надю. Поплакали, вспоминая родителей. Сестра рассказала о тех ужасах, которые ей пришлось с семьей пережить. Надя рассказала о том, что произошло с ней. Посидели, погоревали.

– Ну, что ж, – сказала сестра. – Вместе будем ждать своих мужиков. Как-то переживем трудности. Не мы одни такие.

И то сказать, Надя в общий котел отдала свой воинский паек, да и по мужниному аттестату получала продукты. Вот и выживали. Старалась сестра выходить Надю, подсовывала ей кусо-

чек получше, чтоб та быстрее на поправку пошла. А та совсем в жизни разуверилась, когда заключение врачей прочитала. Так вышло, что после ранения Наде не суждено было уж своих детей иметь. Сестра советовала мужу о том пока не писать.

— Дождись, — говорила, — конца войны. Не отнимай у него надежду, не расстраивай его перед боем. Как-то все образуется.

Надя и молчала. На фронт мужу писала лишь о том, как на освобожденной земле люди живут, да что здоровье потихоньку прибывает у нее. А о своей беде — ни слова.

Семья сестры жила тяжело. Сестра работала, старшие дети тоже посильно помогали. Надя не хотела быть обузой сестре, сходила в военкомат, попросилась устроить ее на работу в госпиталь. Люди были нужны, ей пошли на встречу. Счастливая, она возвращалась домой, как вдруг услышала из ближайших развалин детский плач. Не разду-

мывая, Надя кинулась туда. Перед нею предстали трое детей, грязных и изможденных от голода: две девочки и мальчик. Мальчик тихонько плакал, а старшенькая девочка успокаивала его. Возраст девочек было трудно определить, такими они казались одинаковыми, и только мальчик был значительно младше их. При появлении Нади дети вскопили и выжидающе уставились на нее.

– Тихо, тихо, – сказала Надя, – не бойтесь. Кто вы? Где ваши родители? Как вы тут очутились?

Вопросов было много, а ответ напрашивался сам. Девочки, одной из которых было восемь лет, а второй – шесть, рассказали, что они из пригородного села, где родителей казнили немцы, а они спаслись. Добрые люди спрятали их, а потом помогли добраться до Курска, надеясь, что там дети не пропадут. И вот уже третий день они живут в развалинах, боясь выйти к людям.

Слушала Надя их печальный рассказ и благодарила небо и Бога за судь-

бу: ее это дети будут. Привела Надя этих детей к сестре. Та так и всплеснула руками:

– Да, ты что, Надежда! Самим трудно, а ты еще три рта привела! Как жить-то будем? Отведи их в приют. Там о них позаботится государство.

Но Надя заупрямилась:

– Мои это дети будут. Сама их выхожу. Знать, судьба у меня такая.

Выкупала детей, накормила. Пригорнула к себе младшенького, девочек обняла. Все поглаживает их, расспрашивает, приглашает их с собой жить. Говорит, что маму им заменит. Девочки потупились:

– У нас была своя мама. Как же мы тебя, тетя, тоже мамой звать будем?

– А вы и не называйте. Только давайте жить вместе.

А малыш услышал слово «мама», так и залепетал:

– Мама, мама.

Расплакалась Надя, еще крепче обняла его и говорит:

– Родненький ты мой! Я буду для тебя хорошей мамой.

Так неожиданно ей еще больше забот прибавилось. Из остатков старых сестриных платьев пошила детям одежду, что-то прикупила на барахолке. А мужу отписала на фронт и о своей беде, и о детишках, которых нашла и которых хочет усыновить. Ответ от мужа пришел быстро. Он принял Надину сторону в усыновлении детей, порадовался, что ждет его с фронта настоящая большая семья.

– Наденька, дорогая, ты все правильно сделала, – писал он. – Таких детей по нашей стране сейчас очень много. И каждый старается облегчить им жизнь. Но не у всех есть возможность. Вернись живой, мы вместе их воспитаем. Береги себя и их.

Надя показала детям письмо, и стали они ждать от него вестей уже вместе.

Закончилась война. Пришел с войны муж. Радостно встретили его до-

ма. Это была уже настоящая семья стараниями Нади. Муж дослужился до майора. В отстраивавшемся Курске им выделили трехкомнатную квартиру. Отметили скромно новоселье. На семейном совете решено было, что девочек усыновлять не будут: на этом старшая девочка настаивала. А вот Гену, так звали мальчика, который и не помнит своих родителей, усыновят, дадут ему свою фамилию, сделают его своим наследником всего, что будут иметь в будущем.

Надя с мужем всем обретенным детям старались, по возможности, дать образование, воспитывали их по-родительски строго, но доброжелательно. Девочки были хорошими помощницами своим приемным родителям, благодарны за их отношение к себе и старались не подводить их ни в чем. Девчата выросли, выучились, вышли замуж за хороших ребят и уехали с ними в Горловку. Сначала старшая сестра с мужем уехала туда, а потом и

младшую позвала. В Горловке в это время жить было легче, мужья работали и неплохо получали. Сестры держались вместе, помогали друг другу, о родителях не забывали: частенько посылки слали в Курск.

Гена рос избалованным родительским вниманием. Надя старалась ни в чем ему не отказывать, предупреждая каждое желание. Все лучшее – ему, любимому сыночку. Но, чем больше вырослел сын, тем больше он приносил неприятностей в семью. Он стал заносчив, связался с ребятами, которые были старше его, начал курить, иногда приходил под хмельком. Впервые он нагрубил родителям, когда они попытались выяснить, почему он пропускает занятия в школе.

– Не ваше дело, – отрезал Гена. – Усыновили меня, так теперь и терпите. Как хочу, так и буду жить.

– Но, ведь, знания необходимы, чтобы получить специальность, зарабатывать в будущем на жизнь, – попытался его образумить отец.

– А вы на что? – рассмеялся ему в лицо Гена. – Прокормите!

Еще более он поразил их своим отношением к службе в армии.

– Что я там не видел? – рассуждал он. – Не хочу, и не буду там служить. Время ваших подвигов прошло, а мое еще не наступило.

Слушали его родители и думали, где они упустили его, где просчитались в воспитании? А сын все дальше и дальше отступал от правильной жизни. Начал пропадать из дому, а когда появлялся, то становился просто невыносимым: устраивал скандалы, требовал денег, а иногда, уходя, что-либо прихватывал из дома. Никому не жаловались Надя с мужем. Стало пошаливать здоровье у обоих. У Нади один из осколков подошел близко к сердцу, ей была необходима срочная операция. А у Гены – окончание школы, выпускной бал. Думала, что на операцию ляжет после Гениного выпускного. Не вышло. Забрали Надю на «скорой», когда сына проводи-

ла в школу. Он и не знал, что мать в больнице. Отец тоже ничего ему не сказал. Думалось, все утрясется, операция пройдет, тогда и сообщит сыну. А так, пусть последний вечер с одноклассниками проведет без волнений.

Надя лежала уже на операционном столе, ее муж в тревожном ожидании застыл на стуле в коридоре, а в школе их сын, подстрекаемый «дружками», выяснял отношения со своим одноклассником, который вступился за девушку, оскорбляемую Геной. И не знали родители, — одна под наркозом, а другой — в своем молчаливом горе, — что во время разборок их сын убил жизнь в другом человеке. Убил грубо, пьяно, не жалея о случившемся.

Вместо армии, куда он так не хотел идти, ему судилась тюрьма. Надя еще была в больнице, когда его осудили на десять лет. Муж ничего ей не сказал, боясь подорвать и так хрупкую надежду на выздоровление: после операции Надя ослабела совсем, последние нервные

срывы сказались на ее здоровье, мучали старые раны. Она только спрашивала все о Гене, удивлялась, почему он к ней не приходит. Муж успокаивал тем, что Гена окончил школу и ищет свое место в жизни, что ему некогда. Надя не верила, чувствовала сердцем, что что-то случилось. Узнала обо всем только тогда, когда вышла из больницы.

Десять лет прошли мучительно долго. Навещали сына в тюрьме, слали ему «передачки». А он требовал все больше и больше. Не раскаивался. Не жалел о случившемся, только еще больше озлобился. Наконец, отсидев положенный ему судом срок, Геннадий пришел домой. Пришел не один: с ним в доме появилась девица, старше его на несколько лет. Гена объявил, что она его ждала из тюрьмы, и он женится на ней. Поженились. Вместе распивали спиртные напитки, не работали, обижали родителей, а потом и просто стали гнать их из собственной квартиры, угрожая расправой.

– Я ваш наследник, – говорил Гена, – вот и оставьте мне мое наследство, а сами катитесь куда угодно.

И решили родители уехать в Горловку, ближе к приемным дочкам. Переписали квартиру на Гену, собрали свои личные вещи, денег взяли только на дорогу, да и поехали. В Горловке на первое время их приютила старшая дочь. Отцу, как участнику войны, выделили однокомнатную квартиру, и они стали жить в ней, надеясь, что сыну в Курске лучше без них. Волнения последних лет привели к смерти мужа. Похоронила его Надя, и осталась одна-одинешенька. Девочки проводывали, помогали, а душа болела за сыном. Столько слез пролила в одинокие вечера, столько дум передумала...

Как-то вечером в квартиру позвонили.

– Кто там? – тревожно спросила Надя.

– Я это, – донеслось из-за двери, – или уж забыла о сыне?

Трясущимися руками Надя кинулась открывать дверь: вспомнил сыночек, приехал ее навестить, дорога она ему все же. Когда открыла дверь, застыла на пороге. Перед нею стоял заросший, невытый, небрежно одетый, подвыпивший мужчина и нагло ухмылялся:

– Что, не ждала?

Отодвинув Надю плечом, Гена вошел в квартиру:

– Ну, показывай, как ты тут живешь?

В этот вечер Надя узнала, что с женой Гена развелся, квартиру в Курске продал и пропил, а сам, не утруждая себя работой, решил навестить родителей, чтобы снова сесть на их шею. О том, что отец умер и где живет мать, он узнал от сестер, которых навестил в первую очередь. Ни один из мужей его сестер не захотели принимать его в своих семьях. Предложили устроить его на работу, но тот лишь ответил:

– От работы кони дохнут.

На том и расстались. И вот он у матери. Гена сразу смекнул, что мать

больна, но деньги у нее есть: пенсию получает. Развалившись после ужина на диване, он безапелляционно заявил:

– Жить я с тобой не буду, но свою пенсию будешь отдавать мне.

– А я за что жить буду? – спросила Надя.

– А ты и так уж зажила на свете, – парировал сынок. – Я как-никак, а твой наследник. Вот и поспеши с наследством сама, пока я добрый.

С тем и ушел. И начались тяжелые дни у Нади. Каждый месяц в день получения пенсии Геннадий приходил к матери и отбирал деньги. Если она пыталась утаить хоть несколько рублей, он жестоко ее избивал, приговаривая при этом:

– Усыновила, – значит, терпи. Я не навязывался.

Долго терпела Надя, жаловалась дочкам, а только те тоже ничем помочь ей не могли. Кормили ее, денег на лечение давали, пытались совестить Гену, а он еще пуще зверел после таких разговоров:

– Скоро ты уже умрешь, падаль?
– кричал он, избивая старую немощную мать. И, наконец, она не выдержала. Отлежавшись после очередного посещения сына, собрав свою волю и свои силы, решила она обратиться в милицию, чтобы оградили ее, старую и больную женщину, которая в те далекие уже годы войны так милосердно поступила с осиротевшими детьми, заменила им мать, вырастила и воспитала...

И мать заплакала: воспитала ли?..

Обида захлестнула Надю. Душили слезы. Она сидела и вспоминала всю свою судьбу, такую немилосердную, как оказалось. А еще ей было очень стыдно перед людьми, что воспитала такое чудовище. И было страшно, что в следующий раз она не сможет перенести его издевательства и побои. Надя встала, оделась и вышла из квартиры. На улице она еще постояла немного и тихо пошла к автобусной остановке. Нужного автобуса еще не было, и она опусти-

лась на скамью рядом с молодой женщиной, которая на остановке была одна. Все еще ощущая свою вину в том, что она собирается заявить на сына, Надя повинулась во всем перед этой случайной незнакомой женщиной, которой было легко рассказывать, и которая слушала ее с сочувствием. Так получилось, что обе они не замечали ни автобусов, ни людей. Обе сидели и тихо беседовали. Наде стало даже казаться, что именно сейчас она поняла, что ни в чем не виновата перед сыном. А еще она приняла, как должное, слова незнакомки:

– Никому не позволено обижать Мать.

Почувствовав душевное облегчение, Надя с благодарностью сказала:

– Спасибо тебе, милая, что выслушала. Пойду я, пожалуй.

– Вы правильно решили, – ответила та и встала тоже.

Надя окинула ее располневший стан:

– Ребеночка ждешь? Кого носишь: сына или дочь?

– Сын будет, – ответила незнакомка, просветлев лицом.

– Ну, дай тебе Бог мудрости воспитания, – пожелала Надя.

Женщина ушла, а Надя снова опустилась на скамью и задумалась. Перебирала в памяти свой разговор с незнакомой женщиной и убеждалась в том, что еще следует побороться за душу сына, даже если и придется прибегнуть к помощи милиции. Она приняла решение. Она будет бороться. Она еще сильная...

ОТЕЦ

Было это давно, еще в начале восьмидесятых годов прошлого века. Тогда еще Советская власть крепко на ногах стояла. Заботу о детях чувствовали в самых дальних деревеньках, а не только в пригородах. И все старались строить современные здания, да оборудовать по последнему слову науки. Бывало, и объединяли мелкие школы в одну крупную, организовывали подвоз детей, занимали детей после занятий в группах продленного дня разной кружковой работой: спортивные секции, кружки «Умелые руки», танцевальные, хоровые...

Вот и в нашем селе начали строить большую современную школу, объединив детей из трех сел. Школа тут была и раньше, еще до войны, но современным требованиям, как оказалось, уже не отвечала. И то сказать, появились новые методики, телеуроки, техническая оснащенность уроков выросла. В школе появились молодые учителя. С этого, пожалуй, все и началось...

Жила в селе дружная семья, в которой воспитывались трое мальчишек. Гордился ими отец. Много внимания уделял мальчишкам. Уставая на работе в совхозе, никогда не отказывался побеседовать с сыновьями, поработать вместе с ними дома, в саду-огороде. Любили ребята отца, уважали. Авторитетным для них было мнение отца по любому поводу, что совсем не означало отсутствие своего мнения у каждого. Просто привыкли в этой семье уважать мнение родителей и каждого из них в отдельности. Особым вниманием окружена была в этой семье мать. Веселая, бойкая, приветливая женщина, красивая в своем женском счастье, она просто купалась в нем. Отец боготворил ее, а дети были ласковы и послушны. Старший уже учился в десятом классе, а второй только собирался в школу. И тут выяснилось, что учительницей в первом классе будет бывшая пионервожатая, которая жила в соседнем селе. Она только-только закончила обучение в ин-

ституте (а училась она заочно) и ей разрешили набирать первый класс. А надо сказать, что не очень-то ее уважали в селе. Была она не то что легкого поведения, но и строгостью особо не отличалась. А в селе ничего не утаишь. В селе все, как на ладони: обо всех все известно. К тому времени Наташа и замуж вышла, в семье сын подрастал, а все равно доверия к ней у односельчан не было. Немало способствовал ухудшению ее авторитета и молодой муж: частенько прикладывался к рюмочке, дебоширил, ее поколачивал.

— Где уж ей детей доверять, если в своей семье ладу не дала, — говорили люди. Заволновались и в этой семье. Чему сможет научить, и как будет воспитывать детей молодая учительница-то? И решили на семейном совете отдать второго сына, а заодно и старшего, в городскую школу. Проблемы с транспортом не было. В город регулярно ходил автобус. А остановка автобуса была недалеко и от дома, и от школы. Про-

блема была в другом. В те времена каждый ребенок закреплялся за микро-районом школы, и переход из одной школы в другую, не по своему микро-району, отделом образования не одобрялся. Тем не менее, семья добилась своего. Через год старшего сына после окончания школы призвали в армию. Отец старался, чтобы и в армии его сын был одним из лучших, поддерживал его, наставлял. А после армии купил ему машину и очень гордился тем, что сын быстро овладел навыками вождения, водил машину аккуратно, уверенно. И сама машина будто радовалась своему хозяину.

Но, пожалуй, больше всех радовалась мама. Она просто сияла при взгляде на него. Младшие братишки вообще повсюду следовали за ним, с готовностью кидались выполнять его поручения. А перед сверстниками хвастались:

– Вот какой у нас старший брат!
Все умеет!

Дружно жила семья. Завидовали ей.

Теперь уже частенько Валера (так звали старшего сына) ездил в школу за младшим братом Сашей, в больницу с братишкой Андреем, возил маму на рынок, был помощником у отца. Семья просто радовала всех в селе. Но случилось несчастье. Как-то возвращались они на машине из города, и попали в аварию: на встречную полосу, прямо на них выскочил грузовик, и увернуться от него, как оказалось, было просто невозможно. Валера был за рулем, рядом сидела мама. Вот они-то и пострадали. Валера надолго оказался прикованным к больничной койке, а мать не выжила вообще. Трагедию их семьи сельчане переживали как свою личную. Шуткали, мужик один остался, да еще с тремя детьми. Как-то сложится их судьба?

А они погоревали-погоревали, да и стали привыкать жить без мамы. Валера только все корил себя, что не уберег ее, винил себя в этой аварии, хотя в

суде его вину даже не рассматривали вовсе. Все и так было очевидно: виноват водитель встречной машины. И стали в селе примечать, что заботу о детях отец целиком на себя взвалил. Ни к кому за помощью не обращался.

Вот уж и самый младший в школу пошел. Ничем не отличался от своих сверстников, которых мамы в школу провожают.

Ребята все смышленные росли. Потом уж все в институтах выучились, жениться стали. А отец так и не нашел себе вторую судьбу. Кумушки-то сплетничали, что он-де ходит на сторону, мол, женщин имеет. Да только никто никогда не видел, чтобы к нему в дом какая-либо, не то что жить, а даже просто переночевать бы пришла. Шли годы, старел отец, но не унывал. Все по хозяйству крутился, да внуков уже поджидал. Каждый сын уже свою семью имеет, а нет-нет, да и приедет, кто из них к нему, поможет, посидит рядышком, повспоминает прошлую жизнь с

мамой и без мамы. Всегда для них открыты двери его дома. И никогда память о маме не уйдет из этого дома и из сердца отца.

Кто знает, как сложилась бы судьба этой семьи, если бы их дети остались учиться в сельской школе, если бы родители примирились бы с мыслью, что их сына будет учить молодая учительница с непростой судьбой, сама еще нуждавшаяся в помощи. Да только назад вернуть ничего нельзя...

УХОД

Мария Ивановна, женщина преклонных лет, но еще работающая в одном из подразделений известного НИИ, в последнее время не находила себе места. Все ее раздражало: и новые бланки, и форма подачи, и оформление всей документации, да и вообще все эти реформирования, которые, по большому счету, ничего не меняли, а просто усложняли работу и жизнь. Она просто не понимала: зачем менять то, что уже устоялось и давало хорошие результаты? Больше того, на оформление бумаг уходило колоссальное количество времени, а основная работа становилась как бы второстепенной.

И наконец, она не выдержала.

– Все! Ухожу! – заявила она как-то в присутствии коллег.

– Как это – ухожу? – поинтересовался самый молодой научный сотрудник Ванечка, оторвавшись от компьютера.

– Совсем ухожу! Жить стало просто невыносимо! Не хочу больше мучиться!

Мария Ивановна, хлопнув дверь, вышла из кабинета, оставив сотрудников в недоумении. Все, конечно, знали, что Мария Ивановна в последнее время стала часто прихварывать, но чтобы было так невыносимо жить...

Весть, что Мария Ивановна хочет добровольно уйти из жизни, мгновенно облетела весь НИИ. Но лично ее многие не знали в лицо, хотя и знали, что она работает в данном подразделении. Кроме того, по принципу «испорченного телефона» в слухах ее фамилия и имя претерпели существенные изменения. Поэтому, встречаясь даже с самой Марией Ивановной, многие просто выражали соболезнование по поводу утраты ее коллеги. Мария Ивановна недоумевала, о ком идет речь, но за работой не сильно придавала этому значение и никого об этом не спрашивала. Она даже не замечала, как бережно стали отно-

ситься ее коллеги к ней, как бросали на нее печальные взгляды и горестно вздыхали.

А в это время подразделение готовилось к тому, чтобы еще при жизни Марии Ивановны организовать ей достойные последние проводы. Организацию мероприятия поручили миленькой лаборантке Валечке, которая отвечала за культурно-массовую работу. Чтобы это было красиво, неформально, решили провести собрание в небольшом уютном кафе в центре города. Это было удобно для всех: и на собрании побывать, и по магазинам успеть походить.

Чтобы лишний раз не травмировать Марию Ивановну, все подготовительные вопросы решали без нее. Она же, пытаясь разобраться в новых веяниях, целиком ушла в работу. Это никого не удивляло. Знали, что Мария Ивановна никогда не перекладывала на других свои дела. Даже болея, она умудрялась укладываться в сроки и по исследованиям, и по отчетности. А тут такое дело...

Новых заданий Марии Ивановне не поручали, но держали на контроле выполнение старых дел, боясь пропустить ее «уход».

Наконец, на доске объявлений поместили листок о предстоящем собрании. То, что собрание будет проводиться в кафе, никак не насторожило Марию Ивановну, поскольку иногда, в торжественные дни, она с коллегами отдыхала в этом кафе. Вот она и решила, что предстоит очередное внештатное мероприятие, и очень огорчилась, что за работой не смогла помочь в его организации.

И она решила максимально помочь коллегам во время проведения собрания. В кафе она пришла заранее, помогла накрыть стол, позаботилась о том, кто и с кем будет сидеть рядом, отвела почетное место руководителю подразделения. А потом принялась встречать и рассаживать всех, шутила, смеялась. Уже почти все были на месте, как вдруг пришел, ушедший на пенсию год назад,

Павел Сергеевич, о котором Валечка никого не предупредила, но которого пригласила провести в последний путь Марию Ивановну.

Павел Сергеевич, шумно вздохнул, обнял Марию Ивановну и даже чуть-чуть всплакнул.

– Ну-ну, Павел Сергеевич, – сказала Мария Ивановна, – будет уж Вам. Какие наши годы! Еще проживем!

Павел Сергеевич ничего не сказал, но как-то странно посмотрел на Марию Ивановну. Она провела его к столу, усадила рядом с Валечкой и пошла за столовым прибором для него.

В это время руководитель подразделения, посмотрев на часы, произнес:

– Ну-с, коллеги, начнем, пожалуй. На повестке дня только один вопрос. Думаю, что всем нужно будет высказаться, тем более, что Мария Ивановна работает в НИИ уже сорок лет, ее уважают и ценят как специалиста, как человека, как ответственного работника.

Подходя к столу, Мария Ивановна услышала, как седовласый Игнат Андреевич, любитель заигрываний с молодыми сотрудницами, сокрушался:

– И что это ей на ум пришло: так рано из жизни уходить. Вот вы, молодежь, не знаете, какой она была в молодости! Да и сейчас, многие ли за ней угонятся в работе? А человек какой! Всегда в настроении! Всегда поможет!

– О ком это он? – подумала Мария Ивановна.

Слово взял Ванечка. Он говорил о том первом своем дне, когда пришел в подразделение:

– Она была первая, с кем я встретился здесь. Это она была моим наставником. Это она научила меня всему.

И опять Мария Ивановна не поняла, о ком говорит Ванечка. Наливали бокалы, выпивали, говорили коллеги добрые слова. А вот о ком?

– Да, – подумала Мария Ивановна, – с этой работой я как-то отошла от жизни в подразделении. О ком они говорят? Неудобно как-то получается.

И она только хотела спросить сидевшую рядом Ирину Львовну, эмоциональную и вспыльчивую, вечно спешащую куда-то, как та сама повернулась к ней с вопросом:

– Мария Ивановна, миленькая! Ну, как Вам в голову пришло такое? Вам ведь еще жить и жить, а Вы сами решили уйти из жизни!

– О чем Вы? – опешила Мария Ивановна.

– Ну, ладно, ладно. Это Ваше решение, и никто его оспаривать не будет. Коллеги, – обратилась она к присутствующим, если это уже все, то позвольте мне уйти, а то я отложила чудесные туфельки в соседнем магазине, а он вот-вот на перерыв закроется.

И, не дожидаясь ни от кого ответа, Ирина Львовна вспорхнула со стула и ринулась к выходу. Следом за ней заспешили по своим делам и другие. И тут до Марии Ивановны дошло: это же они все о ней говорили! Говорили как о человеке, который добровольно уходит из жизни. Это они с ней прощались!

– Стойте! – закричала Мария Ивановна. – Я не собираюсь умирать! Я жить хочу! Стойте!

Но все спешили, ее голос потонул в общем шуме. Расходились все с чувством выполненного долга по отношению к ней, с каким-то чувством облегчения и гордости за себя: мы люди, мы чуткие, и мы уважаем и любим своих коллег. А Мария Ивановна сидела, смотрела им вслед и думала о том, как завтра она придет на работу...

КОСИНОЖКА

Косиножка устало полз по краю садового стола, возвращаясь из долгого похода в поисках той единственной, которая даст многочисленное потомство паучков, как две капли воды похожих на него. Он был уже немолод, но еще способен на любовь. Время удовлетворения инстинкта отцовства наступило несколько дней назад, и он отправился в свадебное путешествие. Каждый день Косиножка преодолевал большие расстояния, чтобы к вечеру вернуться ни с чем.

Вот и сейчас он устало передвигал свои лапы и думал только об отдыхе. Завтра он снова пойдет, выбрав новое направление: может, наконец, и ему повезет, как вчера повезло соседу, который вернулся домой счастливый и довольный тем, что не зря прожил свою жизнь.

А вот Черному принцу совсем не повезло. Надо же было ему влюбиться в

Черную Вдову! Мало того, что она потребовала от него свадебного подарка, и ему пришлось долгий час просидеть в засаде, чтобы поймать для своей избранницы чудесную жирную муху, так еще она и съела его потом после этой мухи. Говорили же ему: не ходи к ней, у нее ни один муж долго не живет! Так нет же: люблю ее, говорил, люблю! И вот к чему привела его любовь.

Нет, Косиножка терпеливо будет искать ту, которая и нравом кроткая, и домовитая, и плодовитая, и детей приглядит. Но сегодня еще просто не встретил такую. Он и сам не воинственный, вот и приходится уступать иногда. Два дня назад одна молодая особа выбрала такого же молодого, но очень настырного паука. Тот просто перескочил через него, на ходу оттолкнув задними лапами, и первым предстал перед красавицей-паучихой. Что он ей там сказал, Косиножка не слышал, но увидел, как она посмотрела на него с сожалением, а потом пошли рядом, оставив

его одного. Нет, он не обиделся, не кинулся в драку. Просто смотрел им вслед: не его этот день, видно.

Что поделаешь, когда-нибудь и ему повезет...

Так, размышляя, он выполз на столешницу и, переступая лапами через мелкие трещины, двинулся в направлении к дальнему углу, где собирался сегодня провести ночь. Вдруг он резко остановился. Из-за дальнего края стола выглядывал незнакомый паук, который высунул из своего укрытия передние лапы и часть головы. Косиножка замер, разглядывая незнакомца.

«Кто он, – думал Косиножка, – и что он делает на моей территории?»

Он сделал движение вправо и посмотрел на незнакомца: заметил ли тот его маневр. Незнакомец не отреагировал. Косиножка какое-то время внимательно приглядывался к нему, потом сделал выпад вперед. Незнакомец снова не отреагировал.

«Что это с ним? – снова подумал Косиножка. – Может, он спит?»

Подождав, Косиножка присел на задние лапы и подпрыгнул вверх, опустился на пять лап и осторожно коснулся передней лапой головы незнакомца. Тот не двигался.

Непонятная реакция незнакомца привела Косиножку в растерянность. Он не знал, как поступить, чтобы обратить внимание на себя. И тогда он начал плясать. Он выписывал по столу самые удивительные «па», но незнакомец оставался неподвижным.

Наконец, Косиножка не выдержал, быстро подошел к незнакомцу и несколько раз постучал передней лапой по его голове. Незнакомец снова не пошевелился, а Косиножка вдруг понял, что тот мертв. Он в страхе отскочил от него, перевернулся на спину и сунул все свои шесть лап к себе в рот. Раскачиваясь на спине, Косиножка с ужасом думал, какая это плохая примета, и ему, возможно из-за этого совсем не повезет обзавестись потомством нынешним летом.

Долго еще горевал так Косиножка, но потом встал и расстроенный продолжил свой путь...

...И все-таки в то лето Косиножке улыбнулось счастье. Он нашел свою половинку. Его избранница оказалась именно такой, о какой он и мечтал...

ДЕТСТВО ЛАРИСЫ

– Иди, иди ко мне, – зовет шестилетняя Зоя свою двухлетнюю сестричку, протягивая к ней руки. Та сидит на корточках на столе у разбитого окна и смотрит на Зою. Потом потихоньку поддвигается ближе и тянет к ней свои ручонки. Зоя осторожно снимает ее со стола, крепко обнимает и относит на несколько шагов от дома.

– Постой тут, а я сейчас молоток поищу в палисаде.

Лариса осталась стоять, а Зоя принялась осматривать каждый цветок и каждый кустик в палисаде, надеясь найти маленький сапожный молоточек, которым несколько минут назад выбила стекло в окне. Она всегда боялась оставаться в доме без мамы. Но так уж выходило, что иногда маме приходилось уходить то к бабушке, то в магазин, а то и к соседке, а дети оставались дома под замком. Зоя уже несколько раз, проснувшись и обнаружив, что мамы нет дома, разбивала окно и уводила с собой сестренку. Шла она обычно к ба-

бушке. Вот и сейчас она собиралась к ней. Только вот молоток надо было найти, а то достанется от отца...

Бабушка шла уже к их дому посмотреть, не проснулись ли дети, как вдруг увидела, что Лариса стоит во дворе, а Зоя что-то ищет в цветах. Она так и всплеснула руками:

– Ах, ты ж, антихрист! Да что же с тобой делать-то! Снова Алешка ругать станет! А ну, живо полезай в дом да подушку принеси, чтобы окно закрыть, – приказала она Зое.

И как только Зоя не сопротивлялась, а пришлось ей влезать через разбитое окно в дом и выносить подушку. Бабушка затулила ею дыру в окне, взяла детей за руки и повела к себе, ворча и ругаясь. Да и то сказать, весна была холодная, и если оставить окно открытым, то весь дом быстро выстудится.

Зоя была хорошей помощницей в семье, несмотря на свой возраст. Так было у большинства семей в то время: дети рано приучались к труду, помогали взрослым. Семья жила трудно, как и

большинство людей вокруг. Еще жива была в памяти война и те трудности оккупации, что довелось пережить. Еще не все успели восстановить в стране разрушенное войной, не хватало рабочих рук. Трудно было всем, но в год рождения Зои, в 1948-ом, были уже отменены продовольственные карточки, которые вводились во время войны. Люди вздохнули свободнее, впереди забрезжила надежда лучшей жизни.

Год назад в семье появилась кормилица – огромная корова, которая давала много вкусного молока. Его хватало не только для семьи. Мама делилась молоком с бабушкой, часть продавала, чтобы делать какие-никакие покупки: хлеб, сахар, муку, а то и что-либо из одежды. А еще мама брала заказы на шитье. Из оставшихся лоскутков шила комбинированные платишки для своих дочек. Они всегда были самыми нарядными у нее. Мама много работала дома, на ней держалось благосостояние семьи. Отец тоже работал, но получал немного, да и из той суммы высчитывали али-

менты на трех его детей из первой семьи.

Сестренку Зоя очень любила и жалела. Лариса росла болезненной, слабенькой, но очень упрямой. Дети всегда были вместе. И Зоя частенько заботилась о том, чтобы облегчить Ларисе ее существование.

Через год Зое исполнилось семь лет, и она готовилась стать ученицей. Мама сшила ей форменное коричневое платьице, два школьных фартука: белый и черный. Купила широкие белые ленты, которые Зоя будет вплетать в свои чудесные длинные и густые косы. А еще в начале лета Зое купили настоящий букварь! Это была ее самая первая книга! Она тихо радовалась и как какое-то волшебное чудо держала его в руках. Это были сладостные минуты, когда она открывала его и рассматривала черно-белые картинки и ряды непонятных слов, написанные волшебными буквами.

Зоя не заметила, как подошла Лариса, которая сразу же схватила букварь

и потянула к себе. Ей тоже хотелось эту книгу. Именно эту! Зое было безумно жаль отдавать книгу, и она что силы потянула ее к себе. Но Лариса не отпускала. И тогда Зоя заплакала:

– Это моя книга! Я буду с ней в школу ходить!

Но трехлетняя сестра просто выдирает книгу из Зоиных рук:

– Я тоже хочу такую!

Неизвестно, чем бы закончилась эта «баталия», но на помощь Зое пришел отец. Он подошел к девочкам и, присев на корточки, взялся за книгу и сказал, обращаясь к Ларисе:

– Эта книга Зоина. А я тебе завтра куплю другую.

– Я хочу букварь! – настаивала Лариса.

– Хорошо, – сказал отец. – Будет тебе букварь.

Лариса успокоилась, отдала букварь еще плачущей Зое, и та унесла свое сокровище, спрятала в портфель, решив рассмотреть книгу тогда, когда младшей сестренки не будет рядом.

На другой день отец, придя с работы, присел в палисаде под вишней и позвал Ларису:

– Вот, доченька, тебе букварь, – сказал он и протянул ей книгу.

– Но это не такой букварь! – возразила Лариса.

– Да, – сказал отец. – Но это тоже букварь, только по нему учатся взрослые. Вот смотри, в нем есть алфавит, написаны слова, есть картинки. Здесь все есть для того, чтобы научиться читать. Но для этого нужно выучить все буквы.

– Я их выучу, – загорелась Лариса.

– Да, – сказал отец. – Ты их выучишь, но обязательно до завтрашнего вечера, когда я вернусь с работы. Поняла?

Лариса не верила своему счастью, ей не терпелось приступить к изучению букв немедленно. И отец стал называть ей буквы в алфавите, а она терпеливо их повторяла.

До самого вечера Лариса не выпускала книгу из рук. Даже спать хотела с ней лечь, но мама не разрешила:

– Завтра будешь учить свои буквы!

Утром Лариса встала очень рано. Букварь лежал на столе. Она протянула к нему руки, и букварь, словно только того и ждал, оказался в них. Лариса открыла страничку с алфавитом и стала вспоминать, как называются буквы. Солнышко заглядывало в окно. В доме никого уже не было: отец ушел на работу, мама управлялась с хозяйством во дворе, Зоя помогала маме. Никто не мешал вспоминать названия букв. Они, как знакомцы, были близки и понятны. Вот только одна из них никак не хотела знакомиться. Лариса напрягала память, старалась вспомнить, как она звучала голосом отца, что он при этом говорил. Нет! Никак эта буква не хотела раскрывать свой секрет!

В этот день никакая работа на ум не шла. Даже играть не хотелось. Целый день Лариса упорно называла буквы,

пытаясь вспомнить и ту, которая не хотела с ней дружить. Мама по-прежнему не мешала ей, давая возможность самостоятельно потрудиться над алфавитом. Зоя тоже не подходила, получив возможность вдоволь налюбоваться своим букварем. Лариса была вся во власти волшебных букв. Пришел Валера – двоюродный брат, который жил рядом и который был на год старше Ларисы – но и он не смог увлечь ее в игру, как это бывало раньше. Наоборот, новая игра с буквами покорила и его. Дети вдвоем увлеченно играли с букварем, Лариса на ходу придумывала различные игры с буквами так, что они сами вкладывались в их память и манили к себе своими новыми и новыми секретами, которые хотелось бы раскрыть побыстрее.

И вот наступил вечер. Отец пришел с работы, поужинал и, наконец, позвал Ларису:

– Ну, выучила буквы? Или я напрасно потратил деньги на букварь?

Лариса смело подошла к нему, раскрыла букварь и стала водить пальчиком по букварю, называя буквы:

– Аа, Бб, Вв...

Она быстро называла буквы, без запинки дошла до той, которая дразнила ее весь день и виновато замолчала.

– В чем дело? – спросил отец.

– Я не знаю, что это за буква, – ответила Лариса.

Несколько минут отец пытался объяснить ей, что это за буква и как ее надо произносить. Но Ларисе никак не удавалось ее запомнить. И тогда отец показал ей на проходящего мимо мужчину:

– Кто это там идет?

– Дядя, – удивилась девочка. – А что?

– Скажи: эй, дядя! – приказал отец.

– Эй, дядя! – сказала Лариса.

– Вот, – удовлетворенно проговорил отец, – это и есть буква «Эй, дядя!».

На удивление, буква «Э» таким образом и запомнилась Ларисе надолго.

Всем было удивительно, что трехлетний ребенок знает уже все буквы алфавита. Поэтому взрослые, и знакомые и незнакомые, каждый раз просили Ларису называть буквы, что она делала с большим желанием. Она бойко называла все буквы, в том числе и букву «Э», по-прежнему проговаривая ее как «Эй, дядя!».

Но Лариса была нетерпеливой и увлекающейся. Ей было уже мало просто знать буквы. Ей очень хотелось знать, что этими буквами написано в книге, в газете, на разных бумажках. И она стала приставать к отцу с просьбой, научить ее читать. Отец не мог отказать настырной дочке, показал способы соединения букв в словах и их звучание. Новая игра еще более увлекла. Больше того, как-то так получилось, что слова читались не по слогам, а целиком, откладываясь в памяти и раскрывая свое содержание. Теперь Лариса целыми днями старалась читать все, что только попадалось ей в руки. Особенно она любила читать взрослые газеты, удив-

ляясь разнообразию слов и стараясь их понять. Вечером же она спрашивала у отца значение тех слов, какие не смогла понять. Нашлось и другое занятие: как-то само собой пришло желание изображать эти буквы на бумаге. Сначала Лариса их просто копировала, писала печатными буквами. Вместе с ней писал буквы и Валера, но ему быстро это надоело, и он уходил играть во двор к мальчишкам.

Лето шло, а увлечение букварем не проходило. Только теперь мама стала разрешать читать в свободное вечернее время, поскольку нужно было помогать Зое в огороде, рвать траву кроликам, присматривать за стадом гусей. А иногда мама уводила их далеко-далеко в поле колхозной кукурузы, такой высокой, что скрывала рост человека, и они все вместе рвали траву «просяницу», чтобы заготовить ее на зиму корове. Уходили в поле очень рано, пока еще солнышко начинало только-только просыпаться. Шли, поеживаясь от утренней прохлады, еще не совсем проснувшиеся.

А над полевой дорожкой уже сновал в небесной дали чибис, выпрашивая путников: «Чьи вы, чьи вы?». И Зоя, передразнивая его, запевала:

– У дороги чибис,
У дороги чибис.
Он кричит, волнуется чудак!
Ах, скажите, чьи вы?
Ах, скажите, чьи вы?
И зачем, зачем идете вы сюда?

Лариса подхватывала песенку. Идти становилось легче, сон пропал начисто. Дорожка легко ложилась под ноги. А воздух наполнялся щебетаньем птиц. Поднимавшееся солнце начинало пить росу.

По холодку и в охотку трава рвалась легко и быстро. Но по мере того, как солнышко поднималось все выше и выше, становилось невыносимо жарко, начинала болеть спина, хотелось пить и есть. Мама ненадолго останавливалась, чтобы напоить и накормить детей, и снова начинала рвать траву. Зоя не отставала от нее. А Лариса, утомленная и работой, и солнцем, какое-то время еще

оставалась сидеть в тени травяной кучи и предавалась мечтам о волшебной ласточке, которая в это время пролетала над ее головой и которая могла б ей помочь нарвать много-много травы, чтобы облегчить труд маме и Зое. А потом снова поднималась и шла переносить охапками нарванную траву в одно место, подбирая ее за мамой. Пить хотелось все чаще и чаще. Спина уже не выносила наклонов, руки не хотели ни рвать, ни поднимать траву. Солнышко клонилось к закату. И только тогда мама разгибалась и говорила:

– Ну, на сегодня хватит. Теперь, девки, надо эту траву домой перенести.

Она навязывала огромную вязанку травы для себя, поменьше для Зои и еще меньше для Ларисы. И они все вместе несли непомерно тяжелую ношу домой. Лариса оставалась дома, а мама с Зоей вновь и вновь возвращались в поле, пока вся трава, что была нарвана днем, не оказывалась во дворе. Ее раскидывали для просушки, и она пахла еще дневным зноем, но уже как-то по-

особенному. А семья усаживалась на улице под вишнею и утомленно, но с чувством выполненного долга ужинала бесхитростною стряпней. Поздний вечер нес прохладу, спины ныли от напряжения трудового дня, однако дети спешили на улицу поиграть со сверстниками, которые тоже были заняты днем, как и они.

Незаметно прошло лето. Осень наступила дождливая, холодная. Все чаще семья по вечерам собиралась в зале около большого круглого стола, посередине которого стояла керосиновая лампа. Она освещала пространство за столом, оставляя в темноте углы комнаты. Каждый выбирал себе место, чтобы можно было чем-либо заняться. Мама научила девочек вязать крючком, и они пытались вязать кружева. Зоя вязала уже хорошо и вместе с мамой вывязывала кружки для оборки на кровать. А Лариса пыталась еще только вязать, поэтому ей пока не доверяли сложную работу. Отец всегда что-то мастерил: то что-то отшлифовывал для какой-либо

полочки, то мастерил из открыток шка- тулки, то ремонтировал часовой меха- низм для домашних часов с кукушкой. И в это время точилась семейная беседа, в которой принимали участие и дети.

Зоя уже ходила в школу, поэтому часто в вечерние часы делала уроки. А Лариса садилась чуть в отдалении и упоенно читала. Она уже записалась в библиотеку, куда ходила с Зоей, и брала всегда несколько книг, которые прочи- тывала залпом и просила сестру сходить с ней в библиотеку снова. Зоя серди- лась:

– Тебе же книг на неделю дали! Сегодня только третий день прошел!

– Ну, и что! А я уже их прочита- ла! – упорствовала сестренка.

И Зоя понимала, что завтра ей все равно придется уступить младшей сес- тре и сопроводить ее в библиотеку, где эту маленькую читательницу уже все знали и с улыбкой наблюдали ее сосре- доточенность в выборе книг. Иногда библиотекарь начинала с ней беседовать по содержанию прочитанной книги и

удивлялась памяти девочки и ее умо-
заклучениям. Лариса с удовольствием
пересказывала чуть ли не дословно по-
нравившуюся книжку и просила давать
ей побольше книг на неделю.

С каждым днем осень станови-
лась все холодней и холодней. Вот уже
и последние перелетные птицы отлете-
ли на юг. Непонятной тоской наполня-
лось сердце от печального курлыканья
пролетающих клином журавлей да от
одиноких криков диких гусей. Не толь-
ко дети, но и взрослые, приложив ко-
зырьком у лба ладонь, долго смотрели
вослед птицам. Остались только галдя-
щие воробьи, трескотливые сороки да
черные вороны. Все меньше у взрослых
было работы во дворе, а детвора по вы-
ходным и в непогоду сидела дома.

Зоя научилась в школе делать из
бумаги самолетики и в воскресенье ре-
шила научить этому и младшую сес-
тренку. Они долго возились в зале с бу-
магой, тихо перешептываясь, оберегая
сон отца, который пришел с «ночной».
Но когда самолетики были уже готовы

и девочки начали их запускать, они уже не могли сдерживаться от радостного смеха и бегали за самолетиками и друг за другом. Своим весельем и шумом они разбудили отца. Он чуть приподнялся и сказал:

– Угмонитесь! Дайте поспать еще немного. – И, повернувшись на другой бок, опять уснул.

Какое-то время дети сидели молча, вертя самолетики в руках и опасливо поглядывая на отца. Знали, как он скор на расправу. Однако через несколько минут желание поиграть с самолетиками взяло верх, и они снова затеяли возню, а там и беготню. Искрился смех, иногда только зажимаемый ладошками, от чего становилось еще смешнее. Девочки расшались не на шутку. Отец заворочался, открыл глаза и, не поднимаясь, произнес:

– Долго вы еще будете шуметь? Угмонитесь, я сказал!

Притихшие девочки занялись было вязанием, но самолетики тянули к себе. И вот опять они летали по комна-

те, а дети бегали за ними, ловили, подбрасывали и смотрели только на них, таких красивых и юрких, таких быстрых и белоснежных. Расшумевшиеся не на шутку и раскрасневшиеся от беготни и смеха, девочки не сразу заметили, как отец сел на кровати и потянулся к ремню.

Мгновенно отреагировала Лариса. Она опрометью кинулась к двери, распахнула ее настежь и так же стремительно промчалась мимо бабушки через сенные и уличные двери на улицу. Не останавливаясь, она метнулась за шалаш погребца. И только потом осторожно выглянула из-за него, чтобы посмотреть на бабушку, которая вышла на улицу, повертела головой во все стороны и позвала:

– Лариза! Лариза! Где ты запропастилась, неугомонная?

Не получив ответа, она вошла в дом и закрыла двери. Убегая из дома, Лариса не успела ни одеться, ни обуться. В первые минуты от страха она не чувствовала холода, но потом он прони-

зал ее до самых косточек холодным ветром. Под ногами тоже была холодная, да еще и мокрая земля. Ей казалось, что прошло уже много времени с тех пор, как она покинула дом. Холод становился нестерпимым, но неизвестность и страх наказания удерживали ее на месте. Наконец, она не выдержала и осторожно направилась к дому. Тихонько отворила уличные двери и прижалась ухом к дверям сенишным. В доме было слышно, как посмеивается отец, что-то говорит мама. Тихонько отворив двери, Лариса заглянула и увидела, что отец сидит на сундуке и обувает сапоги, наматывая на ноги портянки. Зоя, всхлипывая, стоит у печки, утешаемая бабушкой. Ей досталось за двоих, поскольку она, испугавшись, сунула руки с самолетиком в портфель и застыла на месте. Вгорячах отец несколько раз хлестнул ее ремнем. Лариса поняла, что «гроза» миновала, однако решила все-таки быстренько проскочить мимо отца в комнату. Ей это почти удалось, — отец

хотел шлепнуть ее ниже спины, но она увернулась и шмыгнула в зал.

В тот день ей все равно досталось от отца, но уже совсем по другой причине. В зале висело радио, похожее на большую черную тарелку. Дети любили слушать в долгие зимние дни, особенно воскресные, сказки и пьесы по радио. И Лариса очень хотела узнать, кто это там разговаривает. И вот, улучив момент, когда никого не осталось дома, она сняла радио, рассмотрела его со всех сторон и обнаружила на обратной стороне «тарелки» маленькую коробочку. Решив, что именно в ней прячутся те маленькие человечки, которые и поют, и рассказывают, и смеются, она решила с ними познакомиться поближе. Лариса попробовала открыть коробочку, но ей это не удалось. Тогда она взяла из ящичка с инструментами отвертку и, пыхтя от усердия, принялась отковыривать крышечку на коробочке. В коробочке что-то щелкнуло, и крышечка отлетела. Человечков в коробочке не оказалось. Там было вообще что-то непо-

нятное. Разочарованная Лариса попыталась поставить на место крышечку, но она никак не хотела держаться на коробочке. А тут и отец пришел. Так что свою «порцию» порки она в тот день получила сполна. А отцу еще пришлось чинить радио...

И вот выпал первый снег. Еще не совсем зима, но детвора радовалась. Снег был липучим, быстро таял, превращая землю в непролазную грязь. Но к ночи похолодало, и эта грязь замерзла причудливыми комьями. Через несколько дней лег настоящий снег, ударили морозы. Снег был глубоким и мягким, даже пушистым. Зоя уходила по утрам в школу, а Лариса с Валерой целый день барахтались в снегу, строили волшебные замки и мечтали. Лариса много читала и все старалась пересказывать брату. И как-то раз она прочитала сказку «Зимовье зверей», а пересказывая ее Валере, нафантазировала так, что детям уже стало казаться, что по ночам к ним в сад приходят разные звери, которых

пугает волк. И решили они подстеречь этого волка, поймать его и дать возможность другим зверям приходить к ним в гости.

Недолго думая, они решили построить себе в саду снеговой шалаш. Трудились целый день. Даже родителей в свой план посвятили. Те и не отговаривали, а сразу согласились, что непременно надо подстеречь волка, а для этого придется ночью в шалаше Ларисе с Валерой ночевать. Подготовка шла нешуточная. К ночи шалаш был готов. В нем на снегу были положены какие-то фуфайки, застеленные рядом. Дети взяли с собой немного еды, чай в термосе, оделись потеплее и отправились выжидать волка. Ночь была месячная, морозная. Звезды светили с высоты яркие, крупные. Дети выглядывали из шалаша, ожидая волка. Время шло, а его не было. Постепенно в души стал заползать страх. Ночь, тишина. Иногда треснет на морозе сучок на дереве, где-то взлетит собака, далеко-далеко послышится

скрип снега под чьими-то ногами. Страшно. А признаться друг перед другом не хочется.

А в это время неподалеку стояли родители и ожидали, когда же их детям прискучит или станет совсем страшно. Но подходить к шалашу не спешили. Тихонько переговаривались между собой и удивлялись упорству и смелости детей. Наконец, отец предложил пойти к детям:

– Я знаю Ларису. Она ни за что не признается, что ей страшно. Пойдемте, а то, как бы не захворали потом.

– Ребята, – окликнула детей мама, – вы как там? Волк еще не пришел?

– Нет, – откликнулся Валера.

А Лариса добавила:

– Он, наверное, сегодня не придет вовсе.

– Верно говоришь, – встряла Валерина мама. – Он прослышал, что вы его ждете, испугался и ушел далеко-далеко.

Взрослые подошли к шалашу, взяли детей за руки и повели домой.

Долго еще потом вспоминали эту историю в семьях. Но дети были уверены, что они чуть ли не всю ночь провели в шалаше, ожидая волка. И что они ничуть не испугались. Им верили и посмеивались.

Зима шла своим чередом. Зоя ходила в школу, иногда помогала маме. Вечерами все собирались в зале за столом, и каждый был занят чем-то своим.

Зима выдалась снежная и морозная. Отец часто проверял состояние ульев, в которых жили пчелы, и каждый раз говорил:

– Не выживут! Надо бы их в дом занести да подкормить.

Так и сделал. А однажды он открыл крышку улья и осторожно проверил, как пчелы ведут себя в тепле дома. Когда он поднимал рамки, одна из пчел упала на пол. Лариса стояла за спиной отца и, поднявшись на цыпочки, старалась заглянуть в улей через его плечо. Вдруг она почувствовала, как что-то коснулось ее пальчика на ноге. Не раздумывая, она встряхнула ногой, и тапо-

чек, взметнувшись вверх, перелетел через отца и с шумом плюхнулся в улей. Что было потом, Ларисе вспоминать не хотелось. Она была наказана, но спустя какое-то время отец позвал ее и сказал:

– Ты уже большая девочка и должна контролировать свои поступки. Давай договоримся, что ты будешь думать, прежде чем что-либо делать. Но если ты будешь делать неправильно, я буду тебя наказывать. Согласна?

– Да, – ответила Лариса.

В то время она верила, что обязательно будет обо всем думать наперед и что это совсем не трудно. Она старалась никому не мешать, никуда не лезть.

На Новый год мама купила Ларисе зимнее пальто. Оно было красивое и пахло магазином. Мама сказала, что это пальто Лариса будет надевать по случаю, то есть, по праздникам, в гости. Но Лариса уговорила маму, чтобы она дала ей это пальто показать своим друзьям.

– Хорошо, – не устояла мама. – Только смотри, не вымажи его ни во что.

– Спасибо, мамочка! – ответила Лариса, быстренько надела пальто и выскочила на улицу.

Пальто всем понравилось. Его рассматривали со всех сторон, даже с изнанки. Но вот первое впечатление от пальто прошло, и дети принялись играть в свои игры. А надо сказать, Лариса была заводилой в играх: она придумывала и сами игры, и правила к ним. А еще она любила лазить по деревьям и представлять их то кораблями в море, то невиданными машинами, то вообще космическими аппаратами. Обо всем этом она читала в книгах, а расставаться с книгами и полюбившимися героями ей не хотелось, вот и фантазировала.

Все произошло очень быстро. Лариса взобралась на свое любимое дерево, но новое пальто никак не хотело играть, оно все время цеплялось за ветки. В очередной раз, когда пальто помешало девочке, зацепившись за сучок, она, не думая, в азарте игры, дернула его к себе и услышала треск разрываемой ткани. В первое мгновение дети с ужа-

сом смотрели на огромную прореху ниже правого кармана. Все понимали, что последует за этим. Семья жила бедно, и покупка пальто была целым событием. И вдруг такое!..

Прекратив игру, дети принялись обсуждать ситуацию. Никто не знал, что делать. И вдруг Нина Безуглая предложила:

– Пойдемте к моей бабушке. Она что-нибудь придумает.

Все согласились и гурьбой отправились к Нининой бабушке, которая всегда была приветлива с детьми. Когда они ввалились к ней домой и начали все одновременно рассказывать, что произошло, бабушка даже руками замахала со смехом:

– Подождите, давайте кто-нибудь один мне все расскажет.

Выслушав, с какой бедой пришли дети, она скомандовала:

– Так, раздевайтесь! Я пока посмотрю, чем смогу вам помочь, а для вас я приготовила чудесные оладушки с

топленным коровьим маслом и горячим душистым чаем.

Упрашивать никого не пришлось. Через минуту все сидели за столом и с аппетитом уминали бабушкины оладушки. А бабушка под села к ручной швейной машинке и принялась чинить пальто. Она искусно наложила шов на прореху так, что внешне ничего нельзя было заметить. Дети поблагодарили бабушку и весело помчались снова на улицу. До вечера Лариса не появлялась дома, а когда стемнело, тихонько вошла в дом, прошмыгнула незамеченною в зал и спрятала в шкафу пальто. И тут вошла мама:

– Ты уже пришла? Ну как, понравилось твоим друзьям пальто?

– Очень, – ответила Лариса.

– Ты его не вымазала?

– Нет.

– Может, еще посмотрим на него?

– Не надо, мамочка, я его уже повесила в шкаф. Посмотрим потом, когда куда-нибудь пойдём в нём.

Мама согласилась. Но в последующие дни, когда мама предлагала Ларисе надеть новое пальто, та всегда находила причину, чтобы остаться в старом. Мама и не настаивала: пальто-то купали с запасом, на вырост. Не сносит его дочь за эту зиму, на следующий год пригодится...

В феврале отелилась корова, и в прихожей появился смешной маленький теленок. Обсохнув, он пытался встать на ножки, которые никак не хотели его держать. Тыкался мокрым носом в ладони детей и жалобно мычал. Дети не отходили от него, поглаживая по головке и спинке. Особенно интересно было гладить курчавый лобик. К вечеру теленок уже устойчивее стоял на ногах и даже пытался мычать, призывая детей поиграть. Но мама не разрешала долго играть с ним, часто кормила его из большой «коровьей» соски, которую тот смешно поддавал вверх, высасывая молоко. Молоко еще не было вкусным, но первое молозиво мама по обычаю сварила с монетами и подала вечером к

столу. Все, не спеша, ели сваренное молоко из общей миски, гадая, кому выпадет счастье получить монетку. Так вышло, что монетки оказались у обеих девочек. И они очень обрадовались этому, решив потратить их весной на большом празднике.

Наступил март. Новым развлечением детей было ходить по глубокому подтаявшему снегу, проваливаясь чуть ли не до самой земли. Однажды они забрели в песчаный карьер, где Лариса потеряла калоши. Долго дети искали их, перерыли все вокруг, но так и не нашли их, вымокли до нитки в талой воде и отправились сушиться к Люсе домой. У Люси была большая семья. Они жили еще беднее, чем все, но их мама всегда была дома и разрешала играть в доме всем друзьям детей. Так что семья в этот час увеличивалась вдвое, а то и втрое. Она быстренько развесила над печкой сырую одежду детей, напоила их чаем с малиновым вареньем и отправила играть в соседнюю комнату. К ве-

черу, одевшись в свою высушенную одежду, дети разошлись по домам.

Лариса робко прокралась в свой уголок, взяла вязание и, прислушиваясь к разговору отца с матерью, застыла над ним.

– Ты чего? – удивилась Зоя. – Опять что-то натворила?

– Я калоши потеряла, – призналась сестренка.

– Где? – ужаснулась Зоя.

И Лариса все ей рассказала. Зоя тут же пошла в кухню, взяла ее валенки и поставила сушить на грубку, спрятав их за свои. Утром, когда отца уже не было дома, Лариса не пошла на улицу, и мама удивилась:

– Что такое? Ты не заболела, случаем?

– Нет, – ответила дочь, – просто сегодня по радио сказку хочу послушать.

– Ну, ладно, послушай.

Мама принялась за свои дела, а Лариса пристроилась около теплой стены, выходящей в зал, и задумалась: счи-

тать ли то, что она потеряла калоши, проступком или несчастливym случаем. И так, и так выходило, что она все же виновата в том, что потеряла их. Так она сидела, раздумывая, и вдруг вспомнила, что еще не обследовала таяние снега в огороде. «Конечно, – размышляла она, – без калош можно быстро намочить ноги, но она пробежит по снегу быстро и посмотрит, как он тает снизу». Лариса оделась, обулась и вышла на улицу. Ярко, по-весеннему, светило солнце. Девочка обошла дом и вышла в огород. На огороде лежал нетронутый снежный покров, со слегка подтаявшей сверху тонкой коркой. Мороз еще не отступал, поэтому корка казалась плотной. Лариса ступила первый шаг, корка треснула, и снег под ее ногой расступился до самой земли. Внизу снег был насыщен водой и раздавался мягко и влажно. Ей показалось это прекрасным, и она пошла вперед, смотря под ноги. Так она дошла почти до половины огорода, ноги ее были уже мокрыми, но влекомая какими-то необъяснимыми ощущениями,

продолжала идти вперед. И вдруг она услышала, как сердито ее позвал отец. Он стоял у дома и, разгневано, ждал, когда она подойдет. Больше не говоря ни слова, он молча двинулся в дом. Лариса пошла следом. Она стянула мокрые валенки, оставшись в мокрых чулках, и застыла перед отцом.

– Раздевайся, – приказал он.

Лариса стянула с себя мокрые чулки и прошла в зал. В зале сидели мама и Зоя. Отец вошел следом за дочерью, снял со стены солдатский ремень:

– Ты нарушила наш договор, – произнес он, – поэтому должна быть наказана.

Застывшими глазами девочка следила за приближавшимся отцом и затем, как поднимается ремень, обращенный железной пряжкой к ней. Мама кинулась к отцу и попыталась вырвать у него из рук ремень. Он оттолкнул ее и опустил ремень на девочку. Закусив губу, не отводя от отца остановившихся глаз, дочь выдержала удар и даже не вскрикнула. Недавно она прочитала

рассказ о подвиге комсомолки Зои Космодемьянской, которую во время выполнения партизанского задания захватили в плен немецкие фашисты и зверски пытали ее, но юная партизанка выдержала все пытки. Так и сейчас, Лариса решила, что сможет вытерпеть наказание. Отец сначала удивился стойкости девочки, а потом просто рассвирепел, не понимая, почему она молчит и смотрит такими жгучими от ненависти глазами на него. Удары сыпались все чаще, мать, рыдая, старалась вырвать из его рук ремень, а Зоя кинулась к сестренке и закрыла ее тельце собою, принимая удары ремня на себя. Потом отец отбросил ремень и вышел из дома, хлопнув дверью. И только тогда Лариса зашла в рыданиях. Ей было очень больно и очень жаль сестру и маму, которые пострадали из-за нее. У всех были синие рубцы от ременных ударов, всем пришлось нелегко. И Лариса понимала, что это она виновата в том, что отец, наказывая ее, излупцевал и Зою, и маму.

К вечеру у Ларисы поднялась температура. В жару и беспамятстве она провалялась в постели целую неделю. Как-то очнувшись, она увидела у своей постели Зою. Та держала на коленях учебник, читая заданный учителем текст, и время от времени поглядывала на сестренку. Обрадовалась, что она открыла глаза и зашептала, что все очень перепугались ее состоянию, что родители очень ссорились. Отец оправдывался тем, что Лариса сознательно нарушила договор вести себя разумно. А мама укоряла его в том, что с маленьким ребенком, каким была еще Лариса, нельзя заключать такие долговременные серьезные договоры. Отец настаивал на своем, мать убеждала его в обратном. Но немного погодя, отец смягчился и согласился с тем, что будет более снисходительным к шалостям детей. Однако, и в дальнейшем он, наказывая Ларису, свирепел от ее немигающего взгляда и терпения во время наказания. Его раздражало и доводило до бешенства ее молчание. Так и повелось, что он стал

не переносить ее молчаливого укоряюще-обвиняющего взгляда, раздражаясь и срываясь на крик, замечая этот взгляд даже тогда, когда приходил иногда домой нетрезвым.

Постепенно весна входила в свои права. На лужайках появились первые проталинки, и дети чуть ли не целыми днями играли на еще мокрой земле, покрытой прошлогодней травой. Ребята постарше играли в футбол, иногда приглашая к игре и Ларисиных сверстников. Ей тоже нравилось играть в футбол, она была заводилой в своей компании, и ребята с удовольствием принимали ее в игру. Вот только рыжий Вовка, старше их всего-то на три года всякий раз, когда приходил играть, неизменно брал ее беззастенчиво за косу и вытаскивал с поля:

– Нечего девчонкам в футбол играть. Иди к своим куклам-тряпкам.

Лариса кидалась на него с кулаками, но в игру он ее не пускал. Она в такие дни приходила домой мрачная и приставала к маме с вопросом, почему она, мол, не родилась мальчиком. Мама

сначала отшучивалась, а потом, видя, как переживает девочка, принялась ей рассказывать, что не то главное кем родилась, а то, кем вырастет, каким человеком будет. Однако война с рыжим Вовкой продолжалась. И тогда Лариса подошла к отцу с необычной просьбой:

– Подстриги меня «под мальчика».

Отец удивился, но выполнил просьбу дочери. На другой день она щеголяла уже не с косами, а с мальчишеской стрижкой: с чубчиком и остриженной «под ноль».

– Я тоже мальчик! – заявила она Вовке. – А полезешь еще, – получишь! Понял?

И так воинственно посмотрела на него, сжав свои кулачки, что он отступил:

– Ладно, играй. Посмотрим, как у тебя получится. – Произнес он с язвительной насмешкой.

Ребята были все на ее стороне и очень обрадовались тому, что конфликт исчерпан. Правда, Вовка все время пы-

тался во время игры толкнуть ее, ударить по ногам невзначай. Но она крутилась вокруг мяча так, что ему самому туго приходилось. Запыхавшийся, он вышел из игры:

– Домой мне надо. Отцу помощь моя нужна. – С тем и ушел.

А ребята еще долго играли на проталинке, придумывая все новые и новые игры. И новый облик Ларисы очень нравился ребятам.

Май выдался дождливым и грозным. Дожди были сильные, но теплые. Недалеко в поле была огромная воронка от авиабомбы, которая поросла травой. Вода от дождей наполняла ее почти наполовину, прогревалась на солнце. И ребята шли к ней, с удовольствием ныряя и плавая. Вода оставалась чистая и прозрачная.

С появлением обильной травы пришлось пасти корову. Дети собирались рано утром, брали с собой кусок хлеба, политый постным маслом и щедро посыпанный солью, и уходили до полудня на пастбище. Каждый пас свою

корову. Лариса брала с собой еще и книгу. К одиннадцати часам дня коровы напасались и ложились подремать и пережевать то, что уже нащипали с утра. Она тихонько подкрадывалась к лежащей корове, которая косила на нее фиолетовым глазом, но не вставала, пристраивалась к ее теплому боку и читала, пока не засыпала. Отдохнув, корова шумно поднималась, и девочка мгновенно отскакивала от нее подальше. На то были веские причины. Лариса боялась коровы. Той коровы, которую когда-то купили родители, уже не было. А это была ее дочь, но она имела, в отличие от своей матери, воинственный характер, бросалась, выставив рога на всех, кроме хозяйки и хозяина. С Ларисой у нее был негласный договор. Корова подчинялась ей, признавая ее правоту на ограничение места выпаса, но если корове хотелось домой, то остановить ее Лариса не могла никак. Корова летела домой, сбивая всех. Как-то этому был свидетель отец. Видя, как мчится коро-

ва, а Лариса старается ее завернуть назад, он закричал:

– Наперед, наперед заходи! Хворостиной ее, по морде, по морде!

Корова уже была на тропинке через ров у огорода. Лариса забежала вперед нее и не поняла, как очутилась в кустах, густо росших во рву. Оказывается, корова, не останавливаясь, поддала ее носом и откинула далеко от себя в сторону, в те самые кусты, где она и очутилась. Она, видимо, по-своему любила девочку и потому не воспользовалась рогами, чтобы причинить ей боль.

А однажды корове захотелось в чужое картофельное поле, и она решительно направилась туда. Девочка хотела ее отогнать от него, но корова сильно толкнула ее носом и, когда та упала, стала носом же и катить ее дальше и дальше. Лариса ползла под тычками коровьего носа, выдохлась совсем и, как ей казалось, остановилась отдохнуть. Странно, она сидела на земле, а рука ритмично поднималась и опускалась независимо от нее. Когда Лариса пришла в

себя и оглянулась вокруг, то она увидела, что держится за коровий рог, а корова ест траву в картофельном поле, не обращая на нее внимания. Лариса медленно встала, еще не чувствуя прежней силы, поискала глазами хворостину, но не нашла. Видимо, обронила, когда корова ее толкала по полю. Она все еще стояла около коровы, которая полностью утратила к ней интерес. Тогда девочка отступила от коровы на шаг, наклонилась и вырвала из земли высокий будяк, взмахнула им на корову, и та медленно повернулась и пошла с поля, на ходу вырывая попадавшуюся на пути траву, совершенно не сопротивляясь и не оглядываясь на маленькую хозяйку.

А однажды, уже осенью, в бывшем помещичьем саду корова загнала девочку на старую яблоню и долго кружила под деревом, подняв голову и глядя на Ларису. Даже сидя на дереве, она боялась коровы, поэтому срывала уцелевшие яблоки и кидала в нее. Корова подбирала их с земли и снова возвращалась под яблоню. А когда яблоки закон-

чились, корова шумно вздохнула и пошла щипать траву, а Лариса только тогда смогла слезть с дерева. Корова, утратив к ней интерес, даже не взглянула в ее сторону.

...Детство кончилось с поступлением в школу. Лариса с головой ушла в новую для себя жизнь.

А это уже другая история...

ЦЕНОЮ ЖИЗНИ...

Случилась эта история в белорусских лесах. Шла Великая Отечественная война. Немцы оккупировали уже всю Белоруссию и упорно двигались к Москве. На защиту своей Родины вставал весь народ. Вот и в белорусских лесах появились партизаны, к которым потянулось население окрестных сел. Уходили в леса целыми семьями. А кто оставался, тот активно помогал партизанам во всем. Сильно доставали партизаны немцев. Нигде им не было покоя.

Но были и такие, кто добровольно пошел на службу к оккупантам. Старались ...

А тут еще немцы развесили приказы о награждении того, кто партизан выдаст. Щедро обещали заплатить. Вот и запала мысль одному из полицаев выслужиться перед немцами и получить эту награду. Стал он за своими односельчанами следить, жену

свою подсылать к соседкам: вдруг кто проговорится...

Долго он выслеживал так-то. И вдруг к одной старушке, которая почти у леса жила со своей несовершеннолетней внучкой, как-то ночью гостя из леса пришла. Да только тут же и назад кинулась. Видно, старушка-то все ей рассказала да побыстрее и выпроводила, чтобы та предупредила партизан. Вот только уйти ей не удалось. Схватил ее полицай, к немцам привел.

Долго пытали партизанку, да видно не выдержала она пыток, потеряла сознание от боли и умерла, так ничего и не сказав своим палачам.

Немцы решили устроить облаву в лесу, полицая проводником назначили. А он, зная, к кому приходила партизанка, решил внучку старушки той арестовать, чтобы та показала дорогу к партизанам. Пришел, а ее нет: ушла она. Озлился полицай, живьем спалил в собственной хате старую женщину.

Стояли сельчане, слезами обливались, слыша крики о помощи, а помочь не могли: вокруг немцы с автоматами да собаками.

По следу девчонки пустили собак. Большими силами выступили немцы на партизан. Шли быстро, вот-вот нагонят. Едва ступила она в партизанский лагерь, как уже издали слышался лай собак. Поняли партизаны, что они в ловушке. Быстро собрались к эвакуации. Лес большой, да только силы были неравными. Надо было уходить, обманув врага. Знали, что в этой ситуации они должны стать невидимками. Идти надо было быстро и бесшумно.

Командир отряда, собрав всех, объяснил обстановку, поставил задачу, наметил пути отхода и место встречи, если кто отстанет. Рядом стояла его жена, готовая к трудной дороге. Немцы с собаками были почти рядом. Все стояли и смотрели на молодую женщину, которая держала на

руках двухмесячную дочку. Все понимали, что стоит только малышке заплакать в дороге, и они все погибнут: слишком близко были немцы...

...Непростое было решение отряда: погибнуть всем или пожертвовать жизнью одного ребенка...

...Ценою жизни...

ПОПУТЧИК

Когда к ней в купе вошел мужчина и, усевшись напротив, стал молча доставать какие-то бумаги, Света даже не удивилась. Молча смотрела и ждала, что будет дальше. Она уже привыкла как-то за свою небольшую жизнь, что всем, кому по-настоящему нужна была помощь, почему-то выбирали ее, даже если она была далеко не одна.

Вот недавно к ней в электричке парень один подсел. Весь в «татушках» уголовных и вел себя не так, как другие. Как-то сразу видно стало, что он только недавно «оттуда». Света тогда тоже не испугалась. Внутренним чутьем поняла, что поможет ему: беда у него. А он посмотрел на нее, как на сестру:

– Очень прошу, выслушай меня. Не бойся, я тебе ничего не сделаю.

– Я и не боюсь, – отвечает. – Говори, что тебе нужно.

Парень и рассказал ей, что он, действительно, только что из мест ли-

шения свободы. Вышел на «волю», встретили его «кореша», прогулял он с ними свои небольшие деньги. А когда разошлись все, оказалось, что к маме не за что ехать. Вошел он в электричку, сам еще не зная, как поступить.

– Я бы, конечно, мог бы кого-нибудь и на «гоп-стоп» взять, – рассуждал он, – но очень уж хочется маму увидеть. А за такие действия снова посадить могут.

Света посмотрела на его склоненную голову:

– Сколько же тебе надо денег, чтобы до матери добраться?

– Только 10 рублей, – ответил он, взглянув с надеждой ей в глаза.

– А хватит?

– Хватит!

Вынула Света деньги и подала этому незнакомому парню. А вот адрес свой не стала ему давать, как он не просил, чтобы переслать ей деньги, когда до мамы доберется. Не бог весть, какие деньги, а человеку помогла...

...Вспоминая этот случай, Света молча смотрела на мужчину. А он, не глядя на нее, все еще копался в своих многочисленных карманах и доставал какие-то бумаги. Наконец он нашел то, что искал, и протянул Свете. Это был его паспорт. Показывая его Свете, он как бы представлялся ей. Света молчала. И тогда заговорил мужчина:

– Очень прошу: довези меня до Курска!

– Ты и так едешь в ту сторону, – растерялась Света.

– Еду-то, еду, – отвечает. – А как только ближе подъезжаю, так в меня словно бес вселяется: напиваюсь и засыпаю так, что никому невозможно меня разбудить. Вот и проезжаю свою станцию. Всегда просыпаюсь то под Москвой, то под Киевом. Третьи сутки так-то маюсь...

– Ну, а от меня-то ты чего хочешь? – удивилась Света.

– Не давай мне, ради Бога, напиться. Помоги добраться, наконец, до Курска.

Посмотрела на него Света: справится ли?

– Хорошо, – говорит, – садись вот к окну, а я рядом сяду.

В купе никого не было. Поезд в Курск должен был прибыть где-то часа в два ночи. Время было еще не позднее, мужчина сидел спокойно, не отвлекая Свету от ее мыслей. Можно было бы и поспать, но ни он, ни она не расстилали постелей. Света решила во что бы то ни стало помочь несчастному «путешественнику». Мелькали за окном огни вечерних городов и полустанков, мерцали вдали огни деревень, ярко светили звезды. А они сидели молча и оба смотрели в окно.

Неизвестно, о чем думал мужчина, а Света вдруг вспомнила, как однажды она вот так же ехала в Курск в купе с одной старушкой. Поезд, как и сегодня, должен был прийти в два часа ночи. До утра пришлось бы провести время на вокзале, а у старушки недалеко, «только лишь через мост перейти»,

жили родственники, которых она давно уже не видела. Вот она и уговорила Свету пойти с нею (одной-то страшно) к своим родственникам. Жаль было Свете старушку, она и согласилась. Путь через железнодорожный мост оказался не только долгим, но и опасным. Шла Света за старушкой, да по сторонам оглядывалась: слышала, что на этом мосту пошаливали частенько. Но все обошлось благополучно. Уже засыпая на каком-то тюфячке, она слышала негромкий разговор старушки с ее родственниками...

...Где-то около двенадцати часов ночи мужчина завозился на своем месте, посмотрел на Свету и умоляюще сказал:

– Мне бы, это, по нужде сходить.

– Сиди, – ответила она.

– Не могу больше, – взмолился он. – Выпусти.

– Нет! – отрезала Света. – Потерпишь. Уже недолго осталось.

Какое-то время они препирались. Мужчина настаивал на своем, а Света упорно не выпускала его из-за столика, притиснув к окну так, что ему неудобно было даже двигаться. Так и сидели...

В Курск они прибыли по расписанию. Как только поезд остановился, Света выпустила неожиданного попутчика, который стремглав выскочил на перрон и скрылся в здании вокзала. Она неспеша вышла и медленно побрела в зал ожидания, поскольку электричка ее должна быть не ранее шести часов утра.

В зале было не очень много людей, и Света устроилась в уголке. Прислонившись к спинке скамьи и закрыв глаза, она попыталась вздремнуть.

– Будешь? – неожиданно услышала Света.

Открыв глаза, она увидела перед собой своего недавнего попутчика, который стоял перед нею с початую бутылкой водки в руке и протягивал ее ей. Она как-то спокойно восприняла его предложение, понимая, что он таким образом благодарит ее.

– Нет, – отказалась Света, – и тебе не надо бы. Далеко еще ехать-то?

– В Обоянь, – ответил тот. – Теперь-то уж доберусь.

– Удачи, – сказала она и снова закрыла глаза.

Мужчина какое-то время сидел около нее, не зная, что делать. А потом куда-то пошел. Света больше не думала о нем. Она выполнила его просьбу: помогла добраться до Курска. Теперь же, она была уверена в этом, ему непременно поможет кто-либо знакомый из его деревни...

...Утром, выходя на перрон к своей электричке, она снова увидела его. Он сладко спал на привокзальной лавочке...

МОСКВИЧИ

Витя и Саша – москвичи. Но вот уже пять лет, с наступлением каникул, они приезжают в рабочий поселок к своим бабушкам. Москва – город большой. Там они никогда и не встречаются: учатся в разных школах, да и живут далеко друг от друга. И только в Понырях на летних каникулах проводят время вместе. Нет, они не друзья. Больше того, в прошлом году осознали, что они соперники, потому что обоих тянет к одной и той же девчонке.

В этом году оба окончили школу, и перед поступлением в институты решили навестить ее, свою избранницу, проверить свои чувства, и, может быть, даже получить от нее взаимность.

Каждый размышлял таким образом, не зная, что снова сойдутся вместе в этом году.

Жили их бабушки на одной улице. Только Сашина бабушка жила за четыре дома от нее, а Витина – рядом.

Увидев друг друга на перроне, они не выразили радости от встречи, однако обменялись приветствием.

– Привет, – сказал Саша. – Ты тоже ехал в этом поезде? А в каком вагоне? – спросил так, будто ему это было важно.

– Во втором ехал, – ответил Витя. – А ты надолго?

– Нет. Решил просто немного отдохнуть перед поступлением в институт. А ты?

– Я тоже.

Мальчики постояли, помолчали немного. Идти им было по дороге.

– Ну что, пошли, – предложил Витя.

– Пошли, – согласился Саша.

И они двинулись в путь. Шли рядом, общались, рассказывали, как прошел учебный год, делились планами на будущее. И только одной темы не касались. Каждый знал зачем сюда приехал...

Поезд из Москвы приходил очень рано, дорога до дому была недолгая, так

что в шесть утра они были уже у своих бабушек.

Сашу бабушка встретила с вопросами и ахами по поводу того, что он так вытянулся, повзрослел, похорошел. Он даже и слова не успевал вставить. Бабушка успевала говорить за всех, собирала ранний завтрак и наотрез отказалась отпустить Сашу погулять:

– Спит, поди, твоя подружка. Рано еще. Ложись и сам, отдохни с дороги.

Саша не стал спорить. Да и то, намучился за ночь в дороге. Через минуту после завтрака он уже сладко спал.

А Витя, повстречавшись со своей бабушкой, вышел во двор, присел на завалянке и стал поглядывать в соседский двор. Видел, как вышел за калитку ее отец и пошел на работу. Вот и мать застучала подойником: пошла корову доить. Время тянулось мучительно долго.

В половине седьмого, наконец, вышла она. Поежилась от утренней свежести, повязала косынку и пошла в огород пропалывать картошку. Витя,

дождавшись, когда она отошла уже на середину огорода, перепрыгнул через ров, что разделял огороды соседей, и неожиданно оказался перед ней.

– Привет! – выдохнул взволнованно он.

– Привет, – радостно отозвалась она. – Когда приехал?

– Только что.

– А чего не спишь? Рано ведь еще.

– А ты чего не спишь?

– Некогда. Работы много. Хочется успеть по холодку управиться. Иди домой, вечером поговорим.

– Можно я помогу тебе? – спросил юноша, не сводя с нее восхищенного взгляда. Она, и правда, в лучах утреннего солнца казалась необыкновенно легкой, стройной и какой-то воздушно-волшебной. Так бы и смотрел на нее, на ее русые косы, падающие из-под косынки на плечи, заглядывал бы в ее ясные, цвета неба, глаза.

– Целый день помогать придется, – засмеялась она. Выдержишь?

– Выдержу! – засиял Витя. Он понял, что только что получил приглашение на весь день быть рядом.

День, на удивление, прошел быстро. В работе не заметили, как солнышко стало клониться к закату. Казалось бы, все уже переговорено, все сказано. А темы для разговора не кончались. Витя поделился своей мечтой: в мореходку поступать будет. Она тоже собралась в институт, только в педагогический.

– А я тебя в другом институте и не представляю, – сказал Витя. – Педагогика – это твое. Около тебя всегда много и ровесников, и детей собирается. Ведь ты всегда была заводилою в играх. А как рассказывать умеешь!

– Ну уж! – рассмеялась она. – Скажешь такое!

– Правда, – горячился Витя, убеждая даже не ее, а себя.

Они шли с поля, гоня перед собой стадо гусей.

— Вот вы где! — услышали они голос Саши. — А я вас целый день разыскиваю.

Саша, и правда, после того как проснулся и позавтракал, решил поговорить с нею, поэтому отправился к ней домой. Но его ждало разочарование: мама девочки сообщила ему, что ее дочь с самого раннего утра с соседским внуком Витей столько уже дел переделали, а теперь уж она и не знает, где они сейчас.

Постоял Саша в раздумье: где они могут быть? Потом обошел несколько знакомых мест, но нигде так их и не встретил. Вернулся к бабушке, пообедал и прилег на сеновале, где пахло разными пахучими травами. До вечера провалявшись в свежем сене, Саша решил снова навестить к ней домой. Но ее снова не оказалось дома, однако мама сказала, что они с Витей пошли на луг за гусями. Саша отправился им навстречу. И вот он перед ними.

– Ты тоже приехал? – удивилась она. – А Витя ничего о тебе не сказал даже.

– А чего о нем говорить, вот он – перед тобой, – недовольно произнес Витя. – Саш, ты уже домой идешь? А то нам надо еще кое-какие дела завершить.

Удивленно посмотрела она на двух повзрослевших, но по-детски надутых юношей:

– Ребята, да что с вами такое? Мы ведь друзья!

И заговорила о том, что не мешало бы вечером собраться со всеми, как всегда, пообщаться и вообще...

...Вечером, когда уже расходились по домам, она остановилась перед ними:

– Вот что, мальчишки, разные у нас судьбы. Вы – москвичи, а я – с периферии. Но мы друзья. И, если захотим, то останемся ими навсегда.

Саша промолчал, а Витя спросил:

– Можно я буду тебе писать?

– Пиши, – ответила она.

На другой день ребята уехали в Москву...

...Жизнь и правда повернулась так, что у каждого сложилась своя судьба. Витя поступил в мореходку, посвятил себя военному флоту. Несколько раз писал ей, даже фотографию выслал, где он в военной форме был. Но переписка как-то сама по себе иссякла. А Саша неожиданно для всех поступил в театральное училище. Она окончила педагогический институт, как и планировала, и всю жизнь была счастлива в работе и в семье. Ее всегда окружали хорошие люди. У нее всегда были самые лучшие ученики, которых она любила, и которые ее обожали...

...С тех пор прошло уже много времени, но они так ни разу и не встретились...

ОСЕННИЙ БАЛ

Школа была большая, каждого класса было не меньше трех параллелей. А девятым и десятым классов было десять, потому что школа находилась в районном центре и принимала в девятые классы учеников из соседних деревень. Жизнь в школе была насыщенной. Каждый класс отвечал за какое-нибудь общешкольное мероприятие, поэтому каждую неделю происходило нечто исключительно интересное. Во время распределения мероприятий десятому «А» досталось проведение «Осеннего бала». Времени на подготовку было немного, но класс загорелся желанием подготовить настоящий бал. Да такой, о каком только в книгах и читали!

Как всегда в таком случае было решено поручить разработать сценарий четырем подружкам: Лиде, Ларисе и двум Зоям. Девчонки отличались в классе своими фантазиями, неординарным мышлением и, что самое главное,

безграничным влиянием на весь класс. Вот и сейчас, обсудив уже первые свои мысли, они безапелляционно заявили:

– Участвовать будут все! Завтра сценарий будет готов. После уроков обсудим. Никому не уходить.

На другой день подружки на переменах озабоченно шептались о чем-то, временами спорили, иногда смеялись. Но в классе присутствовала интрига. Все с нетерпением ожидали окончания уроков.

Наконец уроки закончились, и все приготовились слушать, что же предложат подружки. Классная руководительница тоже поглядывала с интересом. Эти девочки ей нравились. Иногда, правда, доставляли ей хлопот, но не со зла, а из-за своего неумного характера.

Вот и сейчас они, разложив перед собой исписанные листочки, начали рассказывать, как будет проходить бал.

– Прежде всего, – сказала Лида, – на балу мы должны отличаться от гостей своим нарядом. Поэтому все девоч-

ки должны сшить себе платье по своему вкусу, но из одного и того же материала.

– Правильно, – подхватила Зоя Ф. – Но только этим материалом должен быть разноцветный ситец. У всех – одинаковый.

– Подождите, – вскочил Леня. – А мальчики чем будут отличаться от гостей?

– А вы из того же материала делаете себе галстуки, банты, да что угодно можете придумать, – заявила Лида.

Все стали шуметь, обсуждать свои будущие наряды. Девочки стали рисовать модели платьев, чтобы ни у кого не было одинакового фасона. Было решено, что в кройке платьев им поможет учительница по кройке и шитью Зинаида Алексеевна.

Решили выбрать и хозяйку бала – Осень, у которой должно быть платье из другого материала и совершенно необычного фасона. В выборе Осени разногласий не было. Ею должна была

стать одна из подружек – Лариса. Она и не отказывалась, а тут же предложила, чтобы каждый гость пришел на бал с «пропуском»: у каждого должен был быть осенний листочек с любого дерева или куста.

Все заспорили, кто-то сказал, что учителя и директор с завучами вряд ли придут на бал с такими «пропусками».

– А мы это обговорим в приглашении на бал, – тихо сказала Зоя Б., художница класса.

– Правильно, – вступила в разговор Татьяна Михайловна. – Я вашу мысль озвучу завтра в учительской. Уверена, что учителя вас поддержат.

Потом еще долго не расходились, обсуждая все моменты проведения бала, роли каждого на этом балу, техническую сторону и еще многое другое, без чего этот бал не может состояться.

Класс был самым творческим в школе. И девочки, и ребята многие неплохо пели, имели артистические наклонности, три девочки хорошо играли

на баяне, была своя художница. И все умели прекрасно танцевать вальс, что было очень важно для предстоящего мероприятия, так как бал было решено открыть именно вальсом.

Две недели прошли в большом напряжении. Подготовка к балу была в полном разгаре, когда неожиданно в класс пришел директор школы и предложил на балу провести выставку осенних букетов и композиций, которые можно использовать для украшения зала. Идея была встречена на «ура». Это была именно та изюминка, которая подчеркивала осеннее настроение, привносила какую-то милую грустинку и оживляла действо.

И вот наступил долгожданный вечер. Приглашенные гости, учителя и ученики старших классов, торжественно встречались со стражами порядка под гирляндой из осенних цветов и листьев. Каждый гость предъявлял «пропуск»: это были разноцветные листочки, букеты из листьев, венки и икебаны. Все

очень серьезно отнеслись к требованиям устроителей бала.

Под лирическую мелодию, которая лилась как бы из воздуха, гости поднимались по ступенькам лестницы с пышно убранными перилами и приветливыми распорядителями бала на каждом повороте.

Войдя в зал, все невольно ахали от красоты и воздушности убранства. Как стайки бабочек по залу порхали девчата, в платьях одинаковой расцветки размещая гостей. Юноши с достоинством предлагали посмотреть выставку осенних пейзажей, обрамленных гирляндами и цветами. На столах вдоль стен красовались выращенные на школьном опытном участке овощи и фрукты.

И вдруг зазвучали звуки вальса. И весь десятый «А» заскользил по залу в великолепии танца. В какой-то момент пары вдруг распались и вот уже через секунду образовались новые пары из распорядителей бала и гостей. Чарую-

щие звуки вальса никого не оставили равнодушным. Даже директор не удержался, когда его пригласила на танец сама Осень.

За окном было уже давно темно, а в школьном зале звучали задушевные мелодии, Осень приглашала танцевать, ее помощницы пели, читали стихи, разыгрывали сценки. Гости с удовольствием погрузились в лирическое настроение. Никто не скучал. Казалось, у каждого чуть грустит легко и торжественно душа...

Осенний бал...

ПОЛТЕРГЕЙСТ

Как-то прочитала в книге А. Горбовского, который свою жизнь посвятил изучению полтергейста, такие слова: «В нашем деле знать, — значит уметь. Если не хочешь уметь, лучше не знай». Надо сказать, что его слова подтверждаются практикой жизни. Во все времена люди боятся всего тайного и неизвестного. Однако всегда находятся такие собеседники, которые, так или иначе, были свидетелями или участниками подобных событий. Их рассказы влияют на психику человека, на его любопытство, подогревают определенный интерес, что способствует зарождению страхов, мыслей, суеверий и т.д. Но это же выделяет человека из общей массы и притягивает к нему то, чего он боится, но, в то же время, хочет знать. И, наконец, ЭТО может случиться.

Все началось в детстве, когда бабушка сначала рассказывала неве-

роятные истории далекой старины, которые происходили с ее односельчанами и родственниками. Мы, дети, с замиранием сердца слушали ее рассказы о домовых, ведьмах, колдунах, нечистой силе, леших и русалках. Неустойчивая детская психика во сне породила страшные события с участием самого ребенка.

Позже, когда уже могли читать, мы увлекались волшебными сказками, где добро побеждает зло, где добрая волшебная сила противостоит всей нечисти, какую только можно вообразить. Прислушивались к разговорам взрослых, запоминали приметы, слова, молитвы, знали об оберегах. Поэтому те случаи неизвестного, которые происходили и обсуждались в семье, мы воспринимали как реальность и всегда были готовы к подобному. Естественно, мы верили в то, что все ЭТО существует. Да и как можно было не поверить, когда об этом рассказывают бабушки и твои родители! А

потом, во взрослом состоянии, ЭТО приходит и к тебе!

А вот и те истории, которые происходили исключительно с нашей семьей.

В 30-е годы XX века у моей бабушки умер муж, оставив ее с малолетними детьми, которых было немного и немало, а восемь душ. Жили бедно, трудно. И решила она навеститься в деревню к родной сестре, которая жила зажиточно, имела большое хозяйство, а семью небольшую. Надеялась, что не оставит в беде сестра. А когда уж возвращалась домой по большаку (так называли большую и главную дорогу тогда) в большой печали и тяжких думах, вдруг обнаружила, что муж-то рядом идет. И все расспрашивает ее о детях, да о том, как она живет, как справляется. И так ей стало легко-то. Идут они, разговаривают. Ничего она не замечает вокруг. И вдруг наваждение спало: уви-

дела она себя в глухом лесу, до которого с большака надо бы в сторону далеченько шагать. Да и ночь уже, а она должна бы еще в полдень была домой вернуться. И невдомек ей, как же она там очутилась. Да только куда ночью-то. Вот и пришлось ей в лесу ночевать. На рассвете еле на дорогу вышла. А как домой воротилась, так и задумалась: с кем же она повстречалась в дороге и с кем же разговаривала? Да только отошла она тогда от своих тяжких дум, отпустила от себя душу мужа. Хоть и скучала, хоть и трудно было одной детей растить, а больше не давала себе так тужить и печалиться.

Вторая история уж с отцом приключилась. Поженились они с мамой после войны. У мамы домик был небольшой. Крыша соломой крыта, сени да одна комнатушка. Вот отец и решил, что надо бы сперва крышу перекрыть, лето стояло жаркое, дни длинные, ночи светлые. Разобрал он кры-

шу-то, поменял стропила. Работы еще много было впереди. Чтобы не волновать с утра никого, он частенько ночевал на крыше, обдумывал да прикидывал. Вот и в тот вечер после ужина отправился на крышу. Лег, закурил, в небо смотрит: звезды яркие, луна светит. Вроде и ночь, а видно все четко, ярко. Уж и курить перестал, а еще не спит. И тут видит, как из-за дыма мужик выходит. Удивился отец: «Кто это по моей крыше ходит?», – но лежит, не поднимается. Ждет, что тот мужик делать будет. А он подошел к отцу и стал стелиться, начиная с ног, как дым. Сковало отца какой-то невиданной силой, не пошевелиться. Только в голове: «Спросить надо, к худу или к добру это». И спросил. Сразу же перестал мужик стелиться дымом по телу отца, остановился, наклонился к лицу и глухо так выдохнул трижды:

– К худу!

Поднялся и пошел за дымарь. А отец полежал с минуту, вскочил и бе-

гом домой. Никогда ничего не боялся, войну прошел, а тут морозом по коже обсыпало, зуб на зуб от страха не попадает. А вскорости с ним беда приключилась, едва не умер. Язва желудка прорвалась, которую на фронте заработал.

Потом уж, как подросли мы с сестрой, стали замечать, что домовый частенько предупреждал нас о надвигающемся несчастье. То вдруг в миску с борщом с потолка чем-то прольется (а на потолке и следа нет никакого), то вдруг дверь, которая из сеней в дом ведет и плотно закрывается, сама по себе откроется и закроется, как будто кто-то вошел или вышел (а никого и не видно).

Мы уж и сами взрослые стали, а все равно знали, что есть ЭТО. Не просто верили, а знали. Я после института работала в селе одном. Поселили меня в доме на два хозяина. Я занимала одну половину. За стеной старушка жила, Степановной ее все

звали. Тихая такая старушка, а побаивались ее сельчане. Мне-то и невдомек, почему. А тут как раз и лето подошло. Отпуск у меня почти до сентября. Я и уехала из села. А когда воротилась, то в первую же ночь меня будто придавило чем-то. Очнулась, подняться не могу. Такая жуть охватила. Попыталась молитву сотворить, а мысли в голове путаются. А я все равно пытаюсь хоть мысленно, а вспоминать Бога. И как-то сразу легче стало. Стала подниматься, рукой около тела оперлась, а она, рука-то, во что-то мягкое и пушистое попало. Вскочила я, включила свет – никого. Страшно! Так со светом и просидела всю ночь. Утром Степановне рассказала. А она в ответ смеется:

– Не бойся. Это домовый соскучился за тобою.

Только мне было не до смеха. И решила я к себе взять двоих девчат, чтобы вместе жить. Сама осталась в спальне, а им выделила зал. Одна из

них любила ногами в угол ложиться. А угол-то восточный, то есть святой. Мы потом об этом узнали. А сначала она каждую ночь в страхе прибегала ко мне. Ее, видишь ли, каждую ночь с какими-то звуками, обрывками песен, смеха что-то придавливало так, что она никак не могла шевельнуться. А когда ЭТО исчезало, она срывалась с кровати и прибегала ко мне. Как-то я рассказала об ЭТОМ Степановне. Она посмотрела на меня каким-то долгим и внимательным взглядом и только одно промолвила:

– Пусть она в угол головой ложится.

Интересно, но после того, как наша страдальца стала правильно ложиться относительно угла, все прекратилось. Больше она ни разу ногами в угол не ложилась, даже днем.

Много чего после отъезда Степановны в Казахстан к дочке рассказывали в селе о ней. Раньше-то по-баивались говорить. Редко выходила

она на люди, а если и выходила, то как-то люди старались ее не задеть, обойти, слова не промолвить лишнего. Да и молодежь никогда с ней не шутила, как это принято было под Старый Новый год. Силу, говорят, она имела какую-то. Правда, один парень на спор решил у нее около полуночи под этот самый праздник двери завязать. Но боялся, видно: для храбрости даже выпил малость. А всем интересно. Кто где притаился, наблюдают. А ночь месячная, видно кругом, снег искрится, под ногами поскрипывает. Красота! Стал, это, парень-то к калитке уж подходить, и вдруг дверь отворилась, а на пороге старушка появилась. Вышла во двор, огляделась, что-то сказала и рукой в сторону парня махнула. Видеть она его не могла, потому как спрятался он за плетнем, а вот махнула рукой точно в его сторону. И в дом вошла. А он прямо сразу как-то рухнул на снег. Лежит, а встать не получается. Потом уж все, кто на-

блюдал, кинулись к нему, а он идти не может. Отнесли его в сторонку, лежит и слова вымолвить не в силах. Потом озноб пробил, дрожью проняло, отходить стал. Все были перепуганы. С той поры никто и не думал пошутить со Степановной. Вот так-то!

Уехала я из того села, замуж вышла. В новом доме с мужем поселились. Хороший домовый у нас живет. Оберегает нас, предупреждает о неприятностях. Спокойно в доме с ним. Видели ли мы его? Не довелось самим, а вот мама моя его видела. Он ее изрядно напугал. Я в роддоме была. На другой день, как муж привез мою маму домой к нам, меня должны были выписать из роддома с сыном. Легла она в отдельной комнате, которая предназначалась под детскую, а муж — в нашей спальне. Среди ночи она очнулась от того, что кто-то ее за плечи схватил и не отпускает. Открыла глаза, а над ней мужчина склонился, смотрит молча и не отпускает. Испу-

галась мама, сначала отца стала звать по имени, потом вспомнила, что не дома, и вне себя от страха закричала имя моего мужа. Когда же он прибежал на крик, никого уже не было. А у мамы в тех местах на руках, где были руки домового, синяки остались. Мы так и не поняли, почему он так с ней обошелся. Потом уж она не раз у нас ночевала, и он ее не трогал.

А то как-то я одна была дома. На улице ранняя весна. Муж, как всегда в такую пору, в командировке был, а дети у мамы. Так за день, помню, натрудилась, что к вечеру уже и себя не помнила. Только добралась до подушки, как сразу же и уснула. А утром рано мне надо было ехать в другой город. И я проспала бы, если бы не наш домовый. Чувствую утром, как с меня кто-то одеяло стаскивает. Очнувшись, потянула его на себя, а из-под кровати рука какая-то удлиненная четырехпалая одеяло не отпускает. Я вскочила, и ее не стало. Глянула на

часы: вовремя разбудил. Спасибо ему!
Нельзя было мне опоздать: дело-то
важное было...

Еще много чего невероятного
было в нашей семье, всего уж и не
упомнишь...

ГРОЗА

В тот год летом часто грозы были. Да такие, что и старики давно не видели. А молнии все в землю били, да не по одной, а сразу несколько, все ветвистые, по полнеба охватывали. Поговаривали, что и шаровые молнии стали чаще появляться.

Нам-то, детворе, все нипочем. Как дождь, так мы сразу на улицу:

Дождик, дождик, пуще!
Дам тебе гущи!

И невдомек, что опасно во время грозы так веселиться. Тем более, что рядом Курская магнитная аномалия: вот почему молнии все в землю норовят ударить – притягивает их железная руда!

Нет, мы, конечно, знали, что нельзя быть во время грозы на открытом месте. Но ведь вокруг – дома, деревья. Есть где спрятаться.

Но однажды мы, как всегда, пасли своих коров на лугу, и тут началась гро-

за. Да такая страшная! Мы очень испугались. Решили подогнуть коров к заброшенному саду, чтобы укрыться под ветками деревьев. Но коровы, видимо, тоже испугались и кинулись бежать домой, а мы побежали за ними.

Ливень неожиданно хлынул таким потоком, что в двух шагах ничего не было видно. Мы быстро потеряли друг друга из виду. Каждый кинулся в свою сторону. Чтобы не отстать от коровы, я бежала за ней по пятам, время от времени закрывая от испуга глаза. Было сильное желание схватить ее за хвост и держать, пока домой не прибежим. Казалось, что она сможет защитить, спасти.

И вдруг, прямо между мною и коровой в землю вонзилась молния. Я даже отшатнулась, потом поскользнулась на мокрой дороге и упала. А корова еще быстрее кинулась бежать. Быстро вскочив на ноги, я кинулась догонять ее.

Но теперь я боялась приблизиться к корове, потому что вспомнила, как

старики говорили, что электрический разряд молнии притягивается к шерсти животных.

Так мы и бежали: мокрые, перепуганные и на расстоянии шага в три друг от друга. Раз за разом блистали молнии, освещая все вокруг ярким неоновым светом. Почти сразу за молниями раскатисто, мощно, оглушительно с каким-то жутким треском громыхал гром. Казалось, что он всюду. От него не было спасения. Корова каждый раз вздрагивала от испуга, вжимала голову и неслась вперед со всех ног. А я в это время закрывала глаза и уши и бежала, не разбирая дороги. От ливня все вокруг плыло, под ногами скользило, появились промоины, огромные лужи. Я старалась не отставать от коровы.

Уже почти у самого дома громыхнуло так, что я, забыв обо всем от страха перед молнией и громом, кинулась вперед, прижалась к дрожащему, мокрому, но такому теплomu и родному

боку коровы, и, держась за него, уже не отставала от коровы ни на шаг. А та, видно, понимала, что я ищу у нее защиты, бежала рядом со мной, стараясь ступать осторожно, чтобы не сбить меня с ног.

Не знаю, как мы добрались до дома, но я еще долго не могла отойти от испуга. До сих пор грозы боюсь...

КОТЕНОК

В селе это было, когда я там работала по распределению в школе. Зима была снежная, пушистая. Мороз потрескивал в кронах деревьев да на дороге снег заставлял поскрипывать под ногами. От полной луны свет далеко растилался. Вечер был изумительно сказочный. Как раз такой и должен быть накануне Нового года.

Мы возвращались из сельского клуба, где готовили Новогодний вечер. Шутки. Смех. Ребята норовят девчат в сугроб столкнуть, девчонки в них снежками кидают. Одним словом, — молодежь. И вдруг, слышим, котенок мяукает.

— Тише, — говорю. — Посмотрите, где он.

А и смотреть особо не пришлось: съежился маленький серенький комочек рядом с дорогой и жалобно мяукает. Протянула я к нему руки, а он как-то сам потянулся ко мне. И вот уже я держу его, а он прижимается к моим рукам

и дрожит, дрожит. Взяла я его за пазуху, так и до дома донесла.

Никто и не поинтересовался, чей он, кто его возьмет к себе. С молчаливого согласия всех оставила этого котенка у себя. Когда дома рассмотрела его, то ужаснулась: с одного бока почти полностью была содрана шкура. Кое-как приладила я ее, обработала и перевязала рану, и уложила котенка к себе на кровать. Он отогрелся, замурлыкал. А утром сам спустился на пол, подошел ко мне и, как мне показалось, попросил есть. Нет, он не мяукал, просто я почему-то поняла, что ему надо дать покушать.

Как-то так получилось, что котенок стал мне очень нужен. Постепенно рана у него зажила, он подрос, шерстка стала пушистой, мягкой, просто шелковой. На улицу он долгое время не хотел выходить. Но потом с удовольствием гулял со мной по двору, провожал на работу и встречал с работы. Незаметно подружился с соседскими собаками. Я часто наблюдала, как они играли с ним.

Нет, он их не боялся. Наоборот, когда я возвращалась с работы, он фыркал на собак, которые пытались подбежать ко мне, и они отбегали прочь.

После Нового года я взяла к себе на квартиру двух молоденьких учительниц. С ними было не скучно, вместе мы готовились к урокам, вместе ходили на репетиции в клуб. Я радовалась, что теперь долгими вечерами мне было с кем поговорить.

Однако, кот, почему-то, не взлюбил их. Он постоянно на них фыркал, мешался под ногами, а потом стал лить им в постели. И чем больше они его наказывали, тем чаще он им мстил.

Пришлось мне вмешаться в их разборки. Мне не хотелось его наказывать, поэтому я, как это было до появления в нашей с ним жизни девчат, взяла его на колени и стала тихо говорить с ним. Не знаю, понял ли он что-либо из моих слов, но больше не безобразничал.

К лету это был уже солидный кот. Он был очень самостоятельный, не тер-

пел посягательств на свою территорию и свободу. Я все думала, кому его поручить, когда пойду в отпуск и уеду из села, как вдруг он исчез. Долго я ждала его, искала, звала. Он не пришел. Может, почувствовал разлуку и сам решил уйти? Не хочется думать о плохом...

ДЕНЬ УРОЖАЯ

Село готовилось к празднику. Поля были убраны. Корма заготовлены. Урожайным год выдался. Было чем рапортовать в район и область. Правление колхоза решило премировать передовиков производства. А чтобы это было не только торжественно, но и празднично, попросили школу подготовить концерт.

В школе отнеслись к этому с большой ответственностью. Как всегда, директор школы, поручая подготовку концерта завучу, предложил задействовать лучшие ученические таланты. Однако завуч не согласилась с ним. Наоборот, вызвалась подготовить концерт силами одного только класса. Когда учителя узнали, какой класс будет выступать на клубной сцене, руками замахали:

– Что Вы, что Вы! Нельзя брать этот класс!

– С ним и классный руководитель не справляется. Вон, уже второй месяц в больнице из-за них лежит.

Директор тоже удивился:

– Что Вы, голубушка. С таким выбором и опозориться недолго.

Но завуч стояла на своем. Спорили долго, однако, в конце концов уступили молодой коллеге.

На другой день завуч пришла в выбранный ею класс и поделилась с ними своими планами, сомнениями учителей, мнением о них в школе. Что тут поднялось! Сколько было возмущений, крику, угроз! Потом все стихли и уставились на завуча. А она спокойно сидела за столом и смотрела на них:

– Обидно? – спросила. – А может, попробуем показать, на что вы способны?

Класс притих. Одно дело дебоширить, уроки срывать. Другое дело – перед всем селом не опозориться. Решено было подумать до завтра. Если откажутся, значит, возьмут другой класс. Расходились все молча.

Вечером у реки шум был. Голоса по-над речкой вечерами далеко слышны. Невдомек сельчанам, что не поде-

лили меж собою школьники. Долго колготились у реки ребята, а наутро пришли в школу, и к завучу:

– Мы согласны. Только бы не опозориться нам.

– Ну, это другое дело, – сказала завуч, – чтобы не опозориться, надо хорошо подготовиться. Сегодня и начнем.

После уроков весь класс был в сборе. Обсудили предложенный завучем сценарий, вспомнили, кто что умеет, какими талантами кто обладает, распределили роли. Оказалось, всем нашлось место в этом концерте.

На другой день побежали по селу собирать вышитые рушники. Дивились колхозники: зачем бы это. Но не отставали ребята и девчата, упрашивали бабушек. Не устояли бабушки, отдавали свое рукоделие, а сами все выпрашивали:

– А нам-то можно будет прийти посмотреть?

– Приходите, – отвечали, – рады будем.

А завуч пришла в правление колхоза и попросила к вечеру, когда будет концерт, шестнадцать караваев расписных. А в первом ряду чтоб посадили шестнадцать передовиков, которых награждать будут.

– Что задумали-то? – спросила председатель колхоза.

– Секрет, – отозвалась завуч. – Сделаете, что просим?

– А чего? Можно и сделать. А? Как считаешь, – обратилась она к парторгу.

– Сделаем, – сказал он. – В районной пекарне закажем.

На том и порешили.

А в школе каждый день после уроков до самого позднего вечера шла подготовка. Учили слова стихов, учили песни, учились танцевать, сценки разучивали, рисовали плакаты, готовили выставку, фотоз экспозицию. Работы было много, но все трудились с огоньком. Учителя наблюдали, но не помогали и не вмешивались. Только иногда кто-

нибудь из них при приближении директора горестно вздыхал и говорил:

– Эх, опозорится школа с таким подходом к празднику.

Директор молчал. Видел, что работа по подготовке к празднику захватила ребят. Знал, что в таких условиях, когда ребята сами чего-то хотят, нужно только правильно их направить, и все получится. А завуч, он в этом уже убедился, умеет направлять...

Наконец, наступил долгожданный вечер. Все село шло на праздник Урожая. Женщины хвалились одна перед другой:

– Мой-то, слышь, сегодня выступает! – говорила одна.

– Да, неужто? Да что твой может-то, кроме хулиганства? – сомневалась соседка.

– И мой сегодня будет выступать, – встревала в разговор еще одна колхозница.

– Посмотрим, на что они способны, – басыли отцы.

Так, разговаривая, все шли к сельскому клубу. Просторный клуб не мог разместить всех желающих в зале на стульях. Люди стояли в проходах, позади рядов стульев. Все взволнованно ждали начала. Время шло, зал потихоньку гудел, а концерт все не начинался. За кулисами волновались ребята с завучем. Всех подводил парторг. Он уже два часа назад выехал в район за караваем и еще не вернулся. Напряжение достигло своего апогея, когда, наконец, каравай были доставлены. Они были еще теплыми, почти горячими, пышные и с красивыми узорами.

В кулисах с двух сторон разместили по восемь мальчиков, которые на расшитых рушниках держали каравай. Они в конце танца должны были подать их девочкам.

Зазвучала музыка, занавес разошелся в стороны, зал притих. А на сцену вышли шестнадцать девчонок, и повели хоровод. Они сходились и расходились, сплетались в спираль, проплы-

вали ручейком, берега которого заворачивали от края сцены и двигались вдоль кулис, где уже наготове стояли ребята с караваями. Незаметно для зрителей девочки взяли рушники с караваями, дошли до глубины сцены и одним рядом в ширину развернулись к залу, поплыли к краю сцены с караваями в руках. Зал ахнул от изумления. А девочки подошли к самому краю, поклонились, с двух сторон сцены по ступенькам сошли в зал и вручили караваи передовикам производства.

Что тут началось! Все были настолько взволнованы, что в первые минуты концерт продолжать было просто невозможно. Передовики со слезами на глазах прижимали к груди караваи, а в зале уже слышались голоса:

– Что держишь-то? Давай, раздавай по залу.

Караваи тут же кусочками разошлись по залу. Люди получали кусочек каравая, вдыхали его запах, пробовали

на вкус, радостно улыбались своим мыслям.

Понемногу волнение в зале улеглось, и на сцену вышли ведущие. Концерт длился почти три часа и удался на славу. Все село праздновало День Урожая, к которому все присутствующие были причастны.

Расходились за полночь, оживленно обсуждая отдельные номера и выступление «артистов».

...Долго еще после этого в селе шли разговоры о необычном празднике, который устроила колхозникам школа...

СВАДЬБА

Тихая и скромная Танечка Кравцова удивила всех в группе, когда накануне Нового года вдруг несмело попросила слова и объявила, что приглашает всех на зимних каникулах к себе в деревню на свою свадьбу. Что тут поднялось! Всем сразу же захотелось узнать об избраннике, где они познакомились, хорош ли он собой...

Словом, в тот день Танюшка мужественно отвечала на все вопросы подруг и друзей. А в группе уже волновались по поводу поездки, выбора подарков и о том, как пройдет сама свадьба. Решено было, что все без исключения должны быть на свадьбе. А когда Танюшка сказала, что руководить будет свадьбой ее бабушка, и что сама свадьба будет проходить по старинным обрядам, тут уж и вовсе никто не захотел остаться в стороне.

Да и то сказать, деревня, где жила Танюшка со своим женихом, была на границе с Сумской областью Украины,

поэтому там тесно переплелись обычаи и русские, и украинские.

В каком-то предпраздничном настроении незаметно прошла сессия, все разъехались на каникулы по домам, но в назначенный день и час вся группа оказалась на вокзале в Курске, откуда и направились на вечернем поезде к невесте. Ехали весело, как и подобает студентам. Шутили, пели песни под гитару, весело переговаривались, пытались представить Танюшку и ее жениха, которого никто еще не видел, обсуждали купленные подарки.

На станцию, где их ждал крытый грузовик с лавочками по всему кузову, прибыли совсем поздно. С веселым шумом погрузились в него и покатали по накатанной дороге в долгожданную деревню на свадьбу.

Танюшка ждала нас дома. Видно было, что она очень волнуется.

– Не бойсь, Танюш! – приобнял ее за плечи Володя. – Не дадим в обиду, если что.

– Я и не боюсь, – тихо сказала Танюшка. – Просто волнуясь, как все пройдет.

– Да ладно тебе, – вступила в разговор рослая и красивая Рита. – Всего-то потерпеть пару дней.

– О нас не беспокойся, мы ко всему привычны. – Рассудительная и спокойная Таня Романова стала рядом с Ритой, своей подругой.

Танюшка посмотрела на нас, улыбнулась:

– Вот и славно. Сейчас поужинаем и спать надо ложиться, а то завтра рано придется вставать.

Разместили всех в одной горнице. Кого на кровати, кого на стареньком диване, а большинство – на застеленном перинами и одеялами полу. От ожидания и непонятных волнений, а может от новых впечатлений, долго никто не мог уснуть. Все перешептывались, делились своими предположениями относительно завтрашнего дня...

Утро, действительно, началось чуть свет. В доме стало сразулюдно, шумно: пришли какие-то женщины, мужчины, стали выносить столы, стулья, кастрюли с какими-то праздничными наедками. Оказалось, что свадьба будет проходить в доме Танюшкиной бабушки. И вся деревня была задействована в подготовке к свадьбе, поскольку все жители ее были приглашены на этот праздник.

День выдался хоть и морозным, но солнечным. Снег скрипел под ногами. Всем было весело. Предсвадебная суета захватила и студентов. Ребята охотно кинулись помогать переносить необходимое в дом к бабушке, а девчата стали помогать Танюшке надевать свадебный наряд, украшать ее, делать прическу. Бабушка появилась неожиданно для всех. Такая же маленькая, как и Танюшка, сухонькая, но подвижная и с острым молодым взглядом.

– Вот и хорошо все получается, – одобрила она работу девчат. – Вот толь-

ко, что же вы песен не поете. Или не знаете?

– А какие песни петь надо? – Растерялись девчата.

– Лирические, – усмехнулась она. И первая затянула:

– Ой, как у матушки я была красавицей.

Ой, да просватал меня добрый молодец...

Каждая вторая строчка песни повторялась, поэтому девчата враз подхватили ее и уже дружным хором выводили слова песни следом за бабушкой. А потом уж и другие песни полились. Так, наряжая невесту, пели ее подружки, когда вдруг у ворот дома послышались голоса. Это пришел жених с ребятами. У ворот стояли люди и не пропустили жениха без выкупа за невестой. Это тоже было частью обряда. Торг шел весело. Кто-то из ребят попытался обойти торгующих и влезть через забор во двор. Его со смехом стянули с забора и заставили откупиться за нарушение. В

качестве откупного ему пришлось танцевать. Народ веселился. В ход шли загадки, прибаутки. Наконец, торг закончился, и жениха с его «почтом» пропустили в дом.

Войдя в дом, жених низко поклонился родителям невесты, бабушке, Танюшке и всем девчатам. Ребята были важными, приосанились, даже не верилось, что еще утром были такими бесшабашными. Наступила торжественная минута проводов невесты из родительского дома. Мама всплакнула, отец крякнул смущенно, жених с невестой поклонились им от порога, и вышли на улицу. Следом потянулись все, кто был в доме.

Оказалось, что сначала невеста с женихом должны были ехать в соседнюю деревню в сельский совет для официальной регистрации брака. На улице стояли запряженные в сани кони. Саней было пятеро. Вместе с «молодыми» поехали все студенты и кое-кто из деревенских ребят и девчат.

Ехать пришлось довольно долго, но дорога не утомляла. Кони бежали резво, сани катились легко по наезженной дороге, светило солнце, лихо посвистывали погоньчи лошадей. В санях было тесновато, но весело. Молодые ехали на отдельных санях, которые были покрыты коврами, увиты ленточками и украшены цветами, шарами. Рядом с ними был гармонист, который играл веселые песни, пел сам и увлекал своим весельем всех. Песни подхватывали на других санях, и свадебный «поезд» весело несся по дороге, навстречу Танюшкиному счастью...

В сельском совете, несмотря на приличный мороз, шла регистрация новорожденного малыша, с которым пришли молодые родители. Когда к крыльцу сельского совета подкатил санный поезд, там произошла заминка. По закону при регистрации малыша должны присутствовать его крестные, кумовья, а родители пришли без них. Председатель

совета, увидев приехавших, обратился к ним с просьбой:

– Ребята, выручайте. Закон есть закон. Может, кто из вас согласится быть крестными?

Всем было весело, к тому же хотелось уже быстрее начать саму свадьбу, потому быстренько выбрали девушку и парня из числа студентов, которые и помогли зарегистрировать малыша. Потом была церемония регистрации брака Танюшки. На удивление все прошло быстро, без лишних церемоний, после чего народ гурьбой вывалился из сельского совета и, дурачась, с шутками-прибаутками стали рассаживаться по саням и отправляться в обратный путь.

Был уже полдень, когда добрались до своей деревни. Сани проносились мимо Танюшкиного дома и поворачивали к празднично убранному дому бабушки.

У ворот «молодых» встречали родители: в руках Танюшкиной мамы был

большой узорчатый каравай с яркими гроздьями калины, который она держала на вышитом рушнике; отец держал икону святого Николая-чудотворца, которой собирался благословить молодую чету; мама жениха приготовилась обсыпать молодят житом-пшеницею, конфетами да денежной мелочью; отец жениха держал в руках еще один рушник, которым бабушка обвязала руки жениха и невесты и повела их в дом под величальные песни деревенских девчат и ребят.

Студенты не отставали от них, однако никогда еще они не слышали таких песен, поэтому только старались подпевать, охваченные радостным настроением и важностью момента.

Так, с песнями и вошли в дом. Бабушка провела молодят на почетное место в доме, под святые образа. Следом двигалась девушка-светелка с какой-то густой веткой дерева, которая была украшена разноцветными лентами, небольшими колокольчиками, мелодично

позвякивавшими при ее ходьбе. Светелка остановилась рядом с «молодыми», которые поклонились ей в пояс. Потом так же торжественно они поклонились родителям и гостям, пригласили всех за празднично убранные столы.

Свадьба шла своим чередом, обрядовые действия следовали одно за другим. Жених с невестой были частью этих действий. Они то вставали и кланялись, то церемонно целовались, то принимали поздравления, то величаво плыли в вальсе, когда пришло время открывать танцевальную часть пира.

Сокурсники Танюшки охотно включились в эту свадебную «игру», старались ни в чем не уступать местной молодежи. Черноволосая, с горящими от веселого возбуждения карими глазами, Рая плясала так, что один из местных парней Василий за весь вечер не отошел от нее ни на шаг. А старшее поколение все кружило около Ларисы, которая лихо отбивала ногами дробь в русской плясовой, а то и кружилась в

стремительном гопаке с каким-либо молодым разухабистым мужчиной. Ревниво поглядывали жены на «городских» девчат, перехватывая взгляды своих «благочестивых», которые так и вились, так и вились около них.

Где-то близко к полуночи «молодых» проводили к жениху в дом, который был на той же улице, метров за триста от дома бабушки. Когда все вышли за ворота, то увидели, как жених, который с крылечка взял невесту на руки, опустил ее ноги в туфельках на ковровую дорожку, простеленную по улице до самого дома жениха. Они так и пошли по ней рука об руку. А люди шли рядом с дорожкой и пели песни. С неба светила полная луна, ярко блестели на темном небе от света уличных фонарей звезды. На Танюшку был накинут легкий полушубок, а жених шел в костюме, держа ее за руку. У ворот его дома люди остановились. «Молодые» повернулись к сопровождающим, поклонились и вошли в ворота. Люди напутствовали их,

шутили, желали зарождение новой жизни, предупреждали, что завтра придут их будить на заре. И еще многое говорилось и делалось в соответствии с положенным обрядом. Потом гости вернулись праздновать, а студенты отпросились отдыхать.

– Мы завтра наверстаем, – сказал Женя.

А Иван добавил:

– Нам еще и по деревне вашей хочется погулять. – Подхватил под руку какую-то деревенскую девчонку, подмигнул ребятам, и пошел в сторону от них.

Девчата-горожанки решили отправиться спать. И неудивительным показалось подругам, что уже поздним вечером, когда все укладывались утомленные спать, Раи с ними не оказалось. Она пришла за полночь, когда крепкий сон сморил всех. Быстренько разделась и шмыгнула холодной ледышкой под одеяло, подкатившись к Ларисе. Та вздрогнула от холодного тела подруги:

– Ты что, заболеть захотела? Где ты была?

– Ой, не поверишь. Мы с Васей почти всю ночь на каком-то сеновале провели.

– Ты с ума сошла! Зачем он тебе? Мы же завтра уедем!

– Ну и что, – счастливо улыбнулась в темноте Рая. – Он такой хороший и ласковый! Только он женатый, и его, наверное, сегодня жена ждала всю ночь.

– Райка! – только и сказала Лариса.

– Ой, ты знаешь, помоги мне, пожалуйста, утром пальто отчистить от соломы и травы, – уже засыпая, и уткнувшись в плечо подруги, пробормотала счастливая Райка.

– Спи уже, – ответила Лариса, обнимая подругу и согревая ее своим теплом.

Рано-рано утром, когда еще все спали, Лариса тихонько разбудила Раю:

– Вставай, гулена. Пошли пальто чистить, а то обманутая жена сразу вы-

числит, с кем ее благоверный ночь провел. Да смотри, больше не пропадай с ним.

– Угу, – мурлыкнула Рая, поднимаясь и потягиваясь.

Девушки вышли в сени, прихватив Раино пальто. Едва они отчистили его, как начали просыпаться и другие девчата.

– Где пропала-то? – спросила Рита.

– Да так, – неопределенно ответила Рая.

– Не приставай к ней, – откликнулась Лариса. – Просто отстала от нас и не смогла сразу найти дом, в котором мы остановились.

– Конечно, – протянула Галя, – потому и пальто чистили, что у кого-то на сеновале спала.

Так переговариваясь, девчата стали приводить себя в порядок. Наконец, все уже были готовы, когда в дверь постучали. Пришла бабушка:

– Вставайте, лежебоки! Пора идти «молодых» будить да невесту от жениховой родни боронить, да от людей, если придется, срам схоронить.

Веселой гурьбой девчата вышли на улицу, где уже собралось чуть ли не полдеревни. Морозный воздух бодрил, молодая кровь играла в гибких телах. Откуда-то появился гармонист, прошелся по пуговкам, растянул меха и заиграл «Страдания»:

– Из колодца вода льется,

Вода волноватая...

Тут же звонкий женский голос подхватил:

– Муж напьется, подерется,

Жена виноватая!

Кто-то пустился в пляс, а Лариса вырвалась вперед, подступила к гармонисту:

– А я не вашего села, не вашего селения,

Не по-вашему пою, прошу извинения!

– Ух ты! Во дают городские! –
Восторженно воскликнул какой-то па-
рень и запел:

– А из окна в окно да видаться,
Да и то можно наслаждаться!
Незаметно подошли к дому же-
ниха и затарабанили в ворота:

– Хозяева, отворяйте!

– Покажите «молодую»! Как спа-
лось ей у вас?

– Не подкачал ли жених?

Войдя гурьбой в дом, все приня-
лись искать «молодую», которую по ус-
ловию обряда спрятали от гостей. По-
иски были недолгими, потом все вместе
отправились в дом к бабушке продол-
жать свадьбу...

...Уезжали студенты через неде-
лю. Всю неделю шла свадьба. Всю не-
делю гуляла вся деревня...

БАНЯ

Сколько Геля себя помнила, на всю многочисленную родню была только одна просторная баня, которая стояла на берегу речки. Готовили баню всегда торжественно, с березовыми веничками, с настоящим хлебным квасом, с хрустящими полотняными одеждами, которые так приятно было надевать после баньки да в которых было не менее приятно посидеть под вишнею за столом вместе со всей родней, неторопливо обсуждая насущные вопросы за чаркой крепкой домашней водочки да домашними разносолами, где главными были пахучие житные хлеба и разваренная картошечка с солеными огурчиками.

Так уж повелось, что сначала топили баньку для мужиков. Самый ядреный пар был им в самый раз, хлебный дух шел от этого пара, когда кто-нибудь из них плескал на каменку густой квас. Напарившись, попотчевав друг друга веничками, выскакивали мужики голы-

шом и кидались в речку, фыркая и отплеываясь. А, охладившись, вновь парились. Потом отдыхали немного в предбаннике и перебирались под вишню, где руками женщин было приготовлено то простое и необходимое, чтобы не только голод утолить, но и поразмышлять, повести неторопливый разговор, обсудить наболевшие вопросы, посоветоваться с родней.

К бане все готовились заранее. Она не только очищала, она и еще и оздоравливала, она же и родню собирала. Конечно, попарившись, мужики с удовольствием и чарочку пропустят.

После мужиков баниться шли женщины и девчата. Они неторопливо поддавали тепла, распускали свои косы, мылись, оглаживая свои тела, сгоняя хворь и худобу. Делились своим сокровенным, своими радостями-печалями. Бывало, старшие женщины и молодых девчат поучали уму-разуму. Потом уж, после бани, чистые и умиротворенные, присоединялись к мужикам.

В тот день мама позвала к себе Гелю и наказала:

– Ступай, скажи дядьке Ивану, что баня вот-вот уже будет готова, пусть приходит да сынов с собой прихватит.

– Бегу, – отозвалась Геля. Она обрадовалась, что сейчас увидит своего двоюродного брата Вацлава, которого очень любила за его веселый нрав и доброе отношение к ней.

Так и вышло, что первого она увидела именно брата. Он недалеко от дома, под явором, присматривал за тем, как варится домашняя водка. Он был очень горд, что ему доверили взрослое дело, и очень волновался, что не так что-либо сделает. Или водка не крепкой будет. Увидев сестренку, он обрадовался:

– Иди сюда! Я вот тут уже не знаю, может, хватит гнать водку-то, а то будет некрепкая, – проговорил он и добавил:

– Может, попробуешь?

Он протянул ей ложку, и Геля повзрослому, как не раз уже видела, за-

черпнула из кувшина жидкость, поднесла ко рту и залпом проглотила. Рот обожгло, она зажмурилась, замотала головой:

– Не-а, еще крепкая.

Она забыла, зачем ее послала мама. Они сидели с братом, неторопливо разговаривали и замороженно смотрели, как тоненькой струйкой стекает в кувшин водка да время от времени пробовали ее на крепость. Так прошло уже много времени. Наконец, брат сказал:

– Все. Хватит. Пора закругляться.

– Пора, – согласилась Геля.

Она встала на ноги, и вдруг вспомнила:

– Меня же за вами послали. Баня, поди уж, готова. Клич отца-то, а я пошла уже.

Она тихонько двинулась к своему дому. Однако ноги не хотели почему-то идти, голова кружилась. Она присела на бережку, опустив ноги в воду. Смотрела, как стайки мальков устремились от ее ног в разные стороны. Время шло, а

Геля все сидела, ожидая, когда пройдет головокружение, а ноги снова станут ее слушаться. Солнце перевалило уже далеко за полдень. От дома слышались голоса мужиков, которые уже побанились и стали располагаться под вишней за столом.

– Геля, Геля! – услышала она голос мамы. С усилием поднялась и пошла к ней. Мама сунула ей в руки полотенце, подтолкнула к бане:

– Иди уже, а то только мы и остались.

Все еще неуверенными шагами Геля пошла к бане. Никто на нее не обращал внимания. Тихонько отворив двери, она вошла и присела на лавку в предбаннике. Сюда тоже уже напустили жару, и ее развезло совсем.

Вошла мама. Геля попыталась встать, но ее ощутимо качнуло, и она осталась на месте.

– Да ты, девка, никак напарилась уже? – кинулась к ней мама. А когда увидела, в каком она состоянии, только руками всплеснула:

– Да ты никак пьяная? Пила, говори?

– Да, – ответила Геля. – Я помогала Вацлаву водку гнать.

– Ой, лишенько! – всплеснула мама руками. – Ну, ладно, с ним я еще поговорю, а сейчас живо в парилку! Бани во всем помощница, и твой хмель она сейчас враз уберет.

...После бани вышла Геля во двор с ясной головой. Справилась банька с хмелем-то!

НЕВЕСТА

Было это уже на второй день свадьбы, когда за столом остались невеста с женихом да его родня с отцом и мачехой.

Предыдущий день был очень суматошным, гостей было много, все устали и были рады тихонько посидеть да обсудить будущую жизнь молодоженов.

Отец был уже плох здоровьем, поэтому, привстав, остался сидеть на кровати, а стол придвинули так, чтобы и он мог принять участие и за столом, и в беседе.

Мачеха накрыла на стол тем, что осталось от свадьбы, а потом вышла в сени, откуда вернулась с полным «малиновским» стаканом домашней водки. За столом было шесть человек, и невеста удивилась:

– Тетя Казя, – так звали мачеху жениха, – да этого мне одной даже не хватит.

– Неужто сможешь сама выпить столько? – изумился отец.

– А чего тут пить-то, – ответила невеста.

Она взяла в руки стакан с водкой, поднесла ко рту и начала медленно пить из него. Все замерли, а отец стал так же медленно вставать с кровати, не отрывая от невесты глаз. В полном молчании невеста выпила содержимое стакана одним духом и поставила его на стол. В этот момент отец как-то сразу плюхнулся на свою кровать и только лишь воскликнул:

– О це ты узяв соби, Янек!

Какое-то время все молчали, застыв в немом удивлении и от поступка невесты, и от слов отца. И только Янек с любовью смотрел на свою избранницу. Знал, как никто другой, что именно она будет самой лучшей подругой в его жизни, что только на нее он сможет положиться в трудную минуту. А то, что она так удивила всех своей «выходкой», так это только ему

известно, почему. Геля была боевой девушкой, никогда ни в чем никому не уступала, всегда старалась показать свою независимость. Иногда, правда, это было, как сейчас, но он ее любил и понимал. Посидев еще с родней, они пошли отдыхать. И только Янек видел, как плохо было его Геле...

ГОЛУБЬ И КОШКА

Голубь сидел на тропинке, ведущей к подъезду многоквартирного дома. Он только что позавтракал, поэтому ощущал ленивую сытость. Вокруг были большие сугробы снега, который неожиданно выпал два дня назад и принес много хлопот людям. Морозный ветер пробирал до косточек, проникая даже под пух, выросший накануне зимы и укрывший нежное тельце. Голубь взъерошил перья и стал похож на круглый серо-белый шар с маленькой головкой, на которой черными бусинками поблескивали глазки. Поглядывая вокруг, Голубь погрузился в размышления.

Из соседнего подъезда неспеша вышла рыжая Кошка. Поежилась от холода, прижмурилась от ветра, прикрыв глаза, и застыла, привыкая к погоде. Потом лениво огляделась вокруг и заметила Голубя. «Может, поохотиться?» – подумала Кошка. Нет, она

не была голодна, но охотничий инстинкт пробуждался в ней всегда, когда она видела потенциальную дичь. Голубь в ее восприятии был хорошей дичью. Поэтому Кошка, внутренне напрягаясь, внешне сделалась расслабленно-равнодушной. Ее движения были совершенно незаметны, но в то же время тело, как бы стелилось по тропинке и легко скользило к Голубю. В какой-то миг Голубь повернул голову и посмотрел прямо на Кошку. Она замерла, отвернулась от Голубя, скрывая за маской равнодушия хищный блеск своих глаз. Но вот Голубь переступил с лапки на лапку, отвернулся от Кошки и, снова втянув головку во взъерошенные перья, прикрыл бусинки глаз. Кошка отреагировала мгновенно и так же плавно, не сводя с Голубя пристального взгляда, двинулась вперед к цели. Голубь не шевелился. Казалось, что он непременно станет добычей рыжей Кошки.

Но вот Голубь снова поднял голову и увидел Кошку почти совсем рядом. Кошка не сводила с него глаз и уже готовилась к прыжку. Взгляд Голубя, казалось, проник в самое сердце Кошки. Она остановилась, прервав свой мысленно оформившийся прыжок, расслабила напрягшееся тело.

Голубь, медленно переступая по снегу замерзшими на морозе лапками, стал боком отступать от подъезда, освобождая дорогу Кошке. Отступив на безопасное расстояние, он снова застыл серо-белым взъерошенным комочком. Кошка подошла ближе к подъезду и, равнодушно поглядывая на Голубя, вдруг подумала о том, что он уже не вызывает у нее охотничьего азарта. Она даже удивилась этому и попыталась понять: почему? Лапы стали замерзать на снежной тропинке, Кошка присела ниже, стараясь согреть их теплом своего тела. Она смотрела на Голубя, на окружающее белое

снежное покрывало и лениво думала о своей жизни.

Голубь тоже не выказывал своего волнения. Он спокойно сидел недалеко от Кошки, почему-то уверенный, что сегодня ему ее бояться не надо. Он это чувствовал.

Так они и сидели почти рядом, уже не обращая друг на друга внимания, размышляя каждый о своем...

ДИРЕКТОР

Целый год в школе царило ожидание перемен. Директор школы была уже немолода, вышла на пенсию, но еще работала. Примечали учителя, что она старается держать при себе молодого учителя истории, который никак не шел на контакт с другими учителями, своими коллегами. То ли ей было сказано, чтобы она его подготовила как своего преемника, то ли просто благоволила к нему. Но по всему было видно, что работать она пока еще собирается.

А в те годы как-то модно, что ли, стало не назначать на должность директора, а выбирать. И то сказать, всегда как-то лучше иметь в руководителях человека, которого знаешь. Ну, конечно, хорошего человека, знающего специалиста. И вообще...

Накануне выборов, которые должны были состояться 9 сентября, школа гудела. Обсуждали кандидатуры, которые были известны, и гадали: кто

из них. А представительство кандидатур было весьма и весьма: с большим опытом руководящей работы, заслуженные учителя, методисты. И среди этих кандидатур – наш молодой учитель, закончивший в том же году заочное отделение университета и имеющий всего год педагогической практики.

Не знаю, чем руководствовалось управление народным образованием города, но на этих выборах неожиданно для нас и даже для самой директрисы был выбран наш молодой и неопытный учитель.

Следующий день прошел в собраниях и передаче дел по школе. Бывшему директору не разрешили продолжать работу в этой школе и она вынуждена была уйти. Весьма удивительным показалось всем, что ее протеже даже не вышел проводить «свою благодетельницу» на крыльцо.

Сначала его просто никто не воспринял всерьез. Он так и держался особняком. В школе проводил мало

времени, а когда появлялся, то больше в своем кабинете сидел. Изредка проводил совещания и то как-то наспех, случайно. Но все чувствовали, что назревают какие-то события.

В школе была завуч, в лице которой новый директор увидел угрозу «своему креслу». Внешне отношения сохранялись нормальные. Но, мотивируя тем, что он новый человек, руководитель, и что он не хочет отвечать за ошибки «бывшего руководства», директор спровоцировал фронтальную проверку школы. Узнав об этом, завуч попыталась его образумить:

– Нельзя сейчас проводить фронтальную проверку школы. Вы пока еще не вошли в курс дела, не сможете отчитаться ни по какому вопросу.

– А мне ничего и не надо делать, – говорит. – Это Вам за все придется отвечать. А мне только на ошибки старого руководства укажут.

И как завуч не убеждала его, что в справке, которая будет составляться по

работе школы, будет звучать его фамилия, как директора школы, независимо положительная или отрицательная она будет, – директор стоял на своем. Мол, его эта проверка не коснется. Не убедила завуч и заведующего районо в преждевременной проверке школы. Да и то сказать, ему-то лишь бы «галочку» поставить в выполнении плана.

Накануне проверки директор, видимо понявший свой просчет (а, может, кто из авторитетных людей подсказал), пришел в школу с забинтованным указательным пальцем правой руки, продемонстрировал его всем и сказал:

– Я на «больничный» ухожу. Меня не тревожить.

С тем и ушел. Школа замерла.

На другой день в школе появились проверяющие. В комиссии были специалисты по всем предметам, проверялась документация школы, отчеты по всеобучу, по работе с разными категориями семей и еще много-много всего, чем должна заниматься и занималась

школа. День начался с того, что на работу по болезни не вышли пятеро учителей-предметников. Проверять, практически, было некого: школа-то маленькой была. Завуч оказалась одна перед этой проблемой. Но она была очень опытной. Поэтому она предложила членам комиссии провести уроки и проверку знаний учащихся за отсутствующих по болезни учителей, мотивируя тем, что такая проверка сразу же покажет качество работы учителей и мастерство преподавания. Более того, она гарантировала им оплату за замену уроков, которая предусматривалась законодательно.

Членам комиссии деваться было некуда, и они вынуждены были целый день проводить уроки вместо отсутствующих учителей. А завуч предоставила председателю комиссии безукоризненно ведущуюся по школе документацию.

На второй день проверки в школе никто из членов комиссии не появился.

А через неделю состоялось совещание в районо, куда были приглашены директор и завуч, и зачитана была весьма положительная справка по итогам проверки школы.

На следующий день после совещания в районо, как ни в чем не бывало, директор появился в школе, — «болезнь» сразу прошла...

КОНЕЦ СВЕТА

Декабрь 2012 года начался с бума информации о надвигающемся конце света, который по календарю индейцев майя ожидается 21 декабря. О дате конца света сообщали по телевизору, в газетах, обговаривали на улице со случайными знакомыми, обсуждали с коллегами на работе. Словом, не было никого, кто бы хоть раз не высказывался по поводу конца света.

Люди по-разному относились к этому событию. Одни настраивались оптимистично, полагая, что конец света не наступит, и приводили самые разные аргументы. Другие стали срочно готовить бункеры, оборудовать их для длительного проживания. Третьи, в основном старики, которые многое уже повидали на этом свете, стали лихорадочно закупать соль, спички, свечки, продукты. Прошел слух, что 21 декабря в 8 часов утра все планеты нашей Солнечной Системы выстроятся в один

ряд, и произойдет так званый Парад планет, который, якобы, вызовет напряжение космических сил, что приведет к изменению орбиты Земли, ее кувырку в космосе, резкой смене магнитных полюсов, глобальным катаклизмам. А человечество в результате всего этого просто не сможет выжить.

Конечно, здравая информация тоже звучала, но кто же вникал в ее смысл, если вокруг такой ажиотаж! В Интернете появились объявления о возможности найма мест в бункерах. Цены – заоблачные! Но людей это не остановило: спрос на эти места возрастал с каждым днем. По телевизору показывали бункеры, их устройство, говорили о водообеспечении, об очистке воздуха, о запасах еды, наконец, о гарантии защиты от конца света. Передавались слухи о строительстве бункеров звездами шоу-бизнеса. У кого-то из них брали интервью. А некоторые из артистов даже хвастались тем, как у них комфортно и надежно в бункерах.

Потом появилось предложение продажи билетов в Ад и Рай. И снова часть людей кинулись покупать билеты, требуя гарантии на осуществление перемещения.

– Кто за мной придет? – спрашивал счастливчик – обладатель билета.

– Не волнуйтесь, – отвечает оператор фирмы. – Вот Вам телефончик: как только, так сразу же звоните. За Вами придут.

Нетерпеливые обыватели принялись сразу же названивать по данному телефону. А там – гробовое молчание.

– Это обман! – возмутились обыватели.

– Вовсе нет, – отреагировали на фирме. – Просто ЭТО еще не случилось.

Открылись несколько фирм по продаже пакетов с товарами, крайне необходимыми при конце света. В их содержимое входили: бутылка водки, банка консервов, три толстые свечи, упаковка спичек, кусок хозяйственного мыла, веревка. И снова часть землян

поддалась ажиотажу. Вмиг расхватали «полезные» пакеты с продуктами и стали думать: что бы еще такое закупить для встречи конца света.

На родину майя срочно выехали корреспонденты, ведущий телепередачи «Надзвичайні новини», священник и просто любознательные туристы. Всех мучил один вопрос: правду ли предсказали майя о конце света 21 декабря?

Во Франции вдруг обнаружили гору, на которой конец света не страшен: он «обойдет» эту гору. И толпа людей, желавших уцелеть во время конца света, ринулись к этой горе. Они стали раскупать за большие деньги эту гору пометрово, устанавливая на своих метрах палатки, как-то обустраивались. Местные жители отчаянно сопротивлялись, считая, что они первые претенденты на спасение, поскольку это их гора. Но желающие все прибывали и прибывали. На горе уже не осталось места, тогда люди стали обустраиваться у подножия горы.

Весь мир охватила паника. Особенно паниковали Европа, Америка, Китай.

А в это время обычные люди, которые не имели больших денег для подготовки бункеров, покупки билетов в Ад или Рай, приобретения места на «знаменитой» горе и «волшебных» пакетов, спокойно жили, ходили на работу и совсем не задумывались о конце света. Поэтому и проснулись утром 21 декабря, как обычно...

ПОЛЕВАЯ ПРАКТИКА

Лето. Жара в городе стоит просто умопомрачительная. Закончилась сессия, и у студентов биофака началась полевая практика. Время от времени они группами, под руководством своих преподавателей, выезжают за пределы города и путешествуют в его окрестностях, едут в какие-то деревни. Иногда это были деревни своей области, иногда – соседних областей, а иногда даже и далекие-далекие места, например, Крым, Сибирь, а то и Казахстан. Нет, они не просто путешествуют. Они выполняют определенные исследовательские работы, которые входят в программу изучения того или иного предмета.

Вот и сегодня группа биологов отправлялась на полевую практику по зоологии позвоночных в далекую деревню, куда надо добираться почти сутки на поезде. Вместе с ними ехал заместитель декана Виктор Васильевич, или ВитВас, как его звали студенты. Нет, они ничего против него не имели,

просто он им был чужой. Занятий он у них не вел никаких, со стороны ничем непривлекательный. Больше того, когда кому-либо из студентов приходилось бывать в деканате, он никогда их ни в чем не поддерживал, все старался избегать со студентами каких бы то ни было объяснений. Так что его кураторство над этой практикой не очень радовало студентов. Но, как говорится, не им было решать.

На другой день, после того, как было определено место проведения практики, распределены обязанности, определены цели и задачи, работы, которые необходимо проводить, утверждены формы и виды отчетов, студенты весело принялись за сборы.

Таня, как самая ответственная, вместе со своей подругой Ритой отправилась на вокзал за билетами. Она еще раз уточнила у ВитВаса станцию, до которой надо было ехать, заодно спросила и о том, далеко ли от станции искомая деревня. Это было очень важно для студентов, поскольку все вещи, в том числе

и матрацы, планировалось распределить поровну и нести на себе в пункт назначения.

– Не волнуйтесь, девочки, – успокоил ВитВас, – там нас непременно встретят с лошадкой. Так что идти будем налегке.

Этой новостью девочки поделились со всеми, и с веселым настроением все продолжили свои сборы.

Наконец, все было собрано, уложено, получено оборудование. На каждого студента выделили полевой бинокль, который необходим при наблюдении за птицами и животными издалека.

– Ого, – сказала Люда, держа бинокль в руках, – тяжеловато будет его носить с собой.

– Не переживай, – отозвалась Лариса. – Что-нибудь придумаем.

– Будет вам, девочки, – вступила в разговор рассудительная Галя, – надо будет носить его с собой, значит, будем носить.

– А что, – манерно протянула Валя, которая никогда ничего сама не делала, а все старалась привлечь к этому ребят, – у нас же есть мальчики. Вот пусть они все и несут.

Мальчишки в это время сосредоточенно обсуждали будущую дорогу и не слышали последние слова Вали. Их было всего двое в группе, поэтому они знали, что именно на них лежит забота о девчатах, которых было ни много, ни мало, а целая чертова дюжина. Уже не первый раз они отправлялись на полевую практику, и знали, чего следует ожидать от их неугомонных и бесшабашных однокурсниц. Они всегда находили какие-то приключения, всегда во что-то влезали, а потом ребятам приходилось вмешиваться и исправлять ситуацию.

Приехали с вокзала Таня с Ритой, отдали билеты ВитВасу, и все шумно и весело начали разбирать вещи и двигаться к автобусной остановке, чтобы ехать на вокзал. Как ни странно, но дорога на вокзал оказалась недолгой и без

приключений. Так же весело загрузились в вагон, который тут же наполнился веселым смехом, громким разговором студентов.

У Жени в руках появилась гитара.

– Лорка, запевай! – крикнула Рита.

– Какую? – поинтересовалась Лариса.

– Давай, походную, – предложила Райка.

И Лариса под аккомпанемент гитары запела:

– Солнца не будет, жди не жди.

Третью неделю льют дожди.

Задушевная песня полилась сначала тихонько, а потом налилась силой подхвативших ее голосов, и через минуту пела вся группа:

– Третью неделю наш маршрут

С доброй погодой врозь.

А у костра ни сечь, ни лечь,

Как не устанет дождик сечь,

Слушай, давай станцуем вальс

В ритме дождя.

ВитВас пытался успокоить певших студентов, но на него никто не обращал внимания. За первой песней полилась другая, потом еще, еще...

– Хорошо поют, – сказал какой-то мужчина. А женщина добавила:

– Молодость всегда хорошо все делает. Красиво!

За песнями не заметили приближение вечера. Всем было весело. Шутили, смеялись, пели.

После ужина разговор постепенно стих, и студенты начали укладываться спать, памятуя, что поезд приходит на нужную им станцию утром. Не рано, но хотелось бы проснуться вовремя, чтобы привести себя в порядок.

Утро встретило их прохладно. На перроне и на дорогах уютно расположились свежие лужицы. Небо тяжело нависало дождевыми тучами. Они шли неторопливо, постепенно затягивая островки синевы. От земли парило. Воздух был влажным и пахучим. Пахло дождем, травой, прибитой пылью. Студенты вывалились из вагона

и стали озираться вокруг в поисках встречающих. Но, к сожалению, никто их не встречал. Людей на станции вышло немного. Они быстро разошлись, и студенты остались на перроне одни.

– Ну, что ж, – наконец, сказал ВитВас. – Видимо самим придется добираться. Дорогу я знаю. Тут всего-то километра полтора ходу.

– Да Вы что? – ужаснулись девчата. – Как же мы все это будем нести?

– Ничего, – успокоил ВитВас. – Потихоньку, потихоньку и дойдем.

– Однако торопиться надо, – сказал Женя, поглядывая на небо. – Как бы под дождь не попасть.

Студенты с неохотой начали разбирать поклажу. Оказалось, жить они будут в местной школе, которая утопала в огромном и неухоженном саду. Завидев издалека одноэтажное здание школы, студенты прибавили шаг и скоро оказались перед ее дверью с большим амбарным замком. Сбросив с себя вещи, принялись обследовать здание со всех сторон. ВитВас вышел на дорогу и по-

просил пробежавших рядом местных мальчишек позвать к школе директора. Через несколько минут появился помятого вида мужичонка, который представился сторожем, и сообщил, что директор уехал в район дня на три, а без него школу никто открывать не будет. С тем и ушел.

Какое-то время студенты оторопело смотрели ему вслед, потом перевели взгляд на ВитВаса:

– Что делать-то будем? – спросила Люда.

– Будем тут устраиваться, в саду, – растерянно ответил ВитВас.

– Ну, уж нет! – твердо сказала Таня. – Сейчас дождь пойдет, матрацы намокнут, – на чем спать будем? И потом, сушить их долго придется, а где?

– А давайте в школу через форточку влезем. Я видела: в учительской форточка приоткрыта. – Лариса выжидающе посмотрела на всех.

– Правильно, – подхватила светловолосая Люба, озабоченно поглядывая на тучку, которая стремительно

приближалась к ним. – И вещи туда же побросаем.

– Нет, нет, – возразил ВитВас. – Этого делать нельзя.

Но его уже никто не слушал. Все кинулись к окну с приоткрытой форточкой. Первым в форточку проскользнул гибкий и тонкий Иван, потом несколько девчат. Женя, Таня, Рита и Лариса принялись таскать вещи, матрасы, рюкзаки и подавать их в форточку. С той стороны все быстро принималось и относилось вглубь учительской.

Первые капли дождя тяжело упали на землю, когда все вещи были уже в здании. На улице оставались еще Таня, Лариса и ВитВас. Он никак не хотел лезть в форточку.

– Я никогда, даже в детстве не лазал в окна, – слабо протестовал он. – Я даже не знаю, как это делается.

– А мы Вас сейчас научим, – ласково мурлыкнула Таня.

– Вы только нас слушайте, а мы будем подсказывать, – торопила Лариса.

– Нет, нет, – упирался ВитВас. – Так нельзя. Это противоречит моим правилам.

– Вам хочется быть мокрым? Простудиться? – настаивали девчата.

Из окна выглядывали остальные студенты и подбадривающе кричали:

– Смелее, Виктор Васильевич! Смелее!

Наконец, ВитВас сдался. Он расстроено поправил очки, безнадежно махнул рукой и произнес:

– Ну, действуйте. Рассказывайте, что нужно делать?

Дождь падал уже чаще, капли больно били по оголенным рукам, по голове. Таня и Лариса совсем вымокли, пока, наконец, ВитВасу удалось протиснуться в форточку. Следом быстро прошмыгнули мокрые девчата. А за окном уже всюю расходился ливень. Он лил шумно, хлопая по листьям деревьев в саду, звонко стучал по быстро образовавшимся лужам, которые весело пузырились от крупных полновесных капель.

Студенты, отдохнув, принялись обследовать школу. Обошли классы, обнаружили в одном из них окно, которое открывалось в сад. Решили, что в этом классе будут жить девчата. Ребята выбрали для себя соседний класс, перетащив к себе из кабинета астрономии школьный телескоп. А повеселевший и пришедший в себя ВитВас расположился в учительской, которая выходила окнами на школьную площадку.

Два дня дождь почти не прекращался, лишь вечером небо ненадолго очищалось от туч. Студенты, открыв окно в сад, весело сновали через него с кастрюлями, мисками и ложками. Готовили еду на костре, выбрав подходящее место. Быстро приготовив, все снова оказывались тем же путем в школе. На практику еще не ходили, делать было нечего, поэтому занимались тем, что было интересно. Кто-то играл в карты, кто-то читал книги, разыскав школьную библиотеку, кто-то рисовал, напевая. А вечером, все перебирались к ребятам и

через открытую форточку в телескоп наблюдали звезды, смотрели на луну.

– Ой, девочки! – восклицала Галя.
– Вы только посмотрите: луна так близко от нас, аж страшно!

– Ну тебя! Ты вечно всего боишься, – отзывалась Рая, отстраняя ее от телескопа. Потом начинались всякие разговоры, фантазии, Женя брал гитару и тихонько начинал петь.

На третий день в школе появился директор. Он застенчиво улыбался, виновато жал руку ВитВасу, который приосанился, стал каким-то важным, в его речи появились снисходительные нотки, появилась уверенность. Директор открыл школьные двери и все пытался помочь студентам в их делах, вспоминая свои студенческие годы. С его помощью ребята поймали в саду лягушек, и под руководством ВитВаса все дружно приступили к определению их вида. Оказалось, что директор школы тоже недавно закончил биофак и даже учился у ВитВаса. Услышав это, Света фыркнула:

– Кто б сомневался!

– То-то ВитВас так стремился сюда, – добавил Иван.

Оживленно разговаривая, ВитВас и директор пошли в деревню, а студенты снова занялись кто чем.

На следующий день погода начала радовать с самого утра. Ярко светило солнышко, подсыхали лужи, деревья от прикосновения обсыпали холодной росыпью росинок. Решено было отправиться, наконец, в лес, который начинался сразу за деревней. ВитВас напомнил, что сегодня надо обязательно взять с собой бинокли.

– Вот еще! – фыркнула Света. – Надо больно!

– А ты не оговаривайся, – посоветовала Лариса. – Просто не бери сам бинокль, а возьми от него футляр.

– Правильно, – поддержала Рая. – Кобура не тяжелая, а ВитВас будет думать, что мы взяли с собой бинокли.

С этим согласились все, и вскоре группа студентов под руководством ВитВаса дружно шагала к лесу. Пока

шли по проселочной дороге, ничего интересного не встретилось. Правда, в небе очень высоко заливался жаворонок. Светило солнце, пел жаворонок, но его просто невозможно было рассмотреть, и ВитВас шел вперед, не останавливаясь. Лишь изредка ронял фразы об особенностях жизни и размножении полевых птиц, их размерах, оперении, своеобразии пения. Студенты слушали, иногда задавали вопросы, вертя головами и рассматривая все вокруг. Такого деревенского приволья редко приходилось видеть, поэтому всем хотелось полюбоваться окрестностями. Шли не спеша, но и не так медленно, чтобы не замечать окружающей красоты.

– Смотрите, смотрите, – вдруг закричала Люда, – смотрите, какие красивые птички! Вроде бы одинаковые, а расцветка разная. А хвостами одинаково качают.

Все остановились и принялись разглядывать птиц. Они не боялись людей, но близко не подпускали. ВитВас заулыбался:

– Это вы правильно подметили. Род у птиц один, а виды – разные. Обе они трясогузки, но одна – желтая трясогузка, а другая – серая трясогузка. Очень полезные птицы.

Потом опять двинулись к лесу, а ВитВас с жаром принялся рассказывать о тех птицах, с которыми можно встретиться в этой местности.

Лес встретил огромными ягодными полянами. Забыв обо всем, все кинулись собирать землянику. Напрасно ВитВас призывал продолжить путь. Никто даже не отреагировал на его призыв. Видя его бессмысленность, он и сам принялся лакомиться лесными ягодами. Через полчаса, довольные и измазанные ягодным соком, с липкими от ягодной сладости руками, студенты набрали ягод для дежурных, которые остались в школе, и отправились дальше, оживленно переговариваясь.

– Видите, как пригодилась мне кобура от бинокля, – сказала Света, показывая кобуру, доверху наполненную свежими ягодами.

– Ты же ее всю измажешь! – Возмутилась Рита.

– Ничего, – успокоила Света, – отмою потом. Зато ягоды не помнутся.

Вдруг ВитВас остановился и тихо сказал:

– Осторожно. Смотрите под ноги. Видите, прямо на земле между сухими ветками яйца козодоя.

– Ой, – воскликнула впечатлительная Люба, – они же совсем не заметны из-за своей серо-пестрой раскраски!

– Правильно, – откликнулся ВитВас, – козодой откладывает яйца в подходящем месте, совсем не заботясь о постройке гнезда.

– А если их кто-нибудь обнаружит и съест, – заволновалась Лариса.

– А он этого не допустит, потому что находится где-то рядом, – успокоил Иван.

Полюбовавшись на находку, тихонько пошли дальше, и вышли на лесную полянку, залитую солнечными лучами, пробивавшимися сквозь листву

деревьев. Где-то в стороне громко закуковала кукушка. Таня тут же повернулась в ту сторону и тоже громко крикнула:

– Кукушка, кукушка! Долго ли мы еще сегодня будем блуждать по лесу?

Кукушка на секунду замолчала, а потом прокуковала три раза, после чего умолкла совсем.

– Ну, вот, – обиделась Таня. – Не могла всего разочек кукукнуть. Ходи теперь еще три часа по ее милости.

– Не ворчи, – успокоила подругу Рита. – Посмотри, какая тут красота!

– Девочки, смотрите, а тут грибы есть! – воскликнула Люба.

На другой стороне поляны высился могучий дуб. Все направились к нему по высокому разнотравью с множеством ярких и красивых цветов. Вдруг ВитВас остановился и, приложив бинокль к глазам, стал смотреть вверх на едва видимую птицу, которая разливалась в великолепных руладах высоко в небесной лазури.

– Смотрите, смотрите, – показывал ВитВас в небо, – это же лесной конек! Удивительная птичка!

Люда подошла к нему, проследила за его рукой, приложила козырьком руку ко лбу и переспросила:

– Где? Где?

– Да вон же, – отвечал ВитВас, не отрываясь от бинокля.

Так они и стояли вдвоем: ВитВас с биноклем, а Люда без бинокля. И оба старались рассмотреть пичугу. В это время остальные студенты активно обследовали поляну и прилегавшие к ней кусты. Кто-то нашел грибы и радовался их великолепному виду. Кто-то тут же спрашивал, съедобны ли они. Девчата, быстро нарвав цветов, уселись под дубом и стали плести венки. Наконец, ВитВас оторвал свой взгляд от лесного конька и повернулся к студентам:

– Что, устали? – спросил он. – Пожалуй, пора и домой возвращаться.

Его предложение встретили бурным восторгом. Однако возвращались домой совсем другой дорогой, где на

каждом шагу встречались новые и новые чудеса. Вышли на луг, где колхозники косили траву. Они с любопытством смотрели на студентов. Тут же в тени стояла бочка с водой, куда время от времени подходили колхозники, и пили из алюминиевой кружки, черпая воду привязанным к бочке черпаком. Студенты тоже гуськом потянулись по скошенной траве к бочке с водой. Пили холодную и вкусную воду, смеялись, разговаривали, отвечали на вопросы колхозников. Один из молодых парней подошел к Лене. Она устало и как бы нехотя стала с ним разговаривать. Потом кивнула головой и отошла от него к девочкам.

– Что он хотел? – Спросила Рита.

– В кино приглашал сегодня.

– Пойдешь?

– Не знаю. Я сказала, что нас тринадцать.

– А он? – не отставала Рита.

– Сказал, что всех приглашает.

– Так чего же ты тянешь? Девочки, а нас в кино пригласили. Пойдем? – Рита весело засмеялась.

– А что, можно и сходить, – отозвалась Таня.

И девчата, стали обсуждать, как и когда они сегодня отправятся в сельский клуб. Потом стали договариваться о том, как будут оттуда возвращаться. Было решено, что из клуба все быстро и вместе вернутся в школу на ночлег, оставив местных «кавалеров» при своих интересах.

Пока девчата обговаривали новость, Лариса стояла в стороне и любовалась необычной для городского жителя картиной сенокоса, вдыхала запах скошенной травы, слушала пение жаворонков. Один из сельских парней позвал посмотреть перепелиное гнездо, которое обнаружилось в покосе. Лариса взволновано спросила:

– А как же перепелка? Она не пострадала?

Прибежали девчата, склонились над гнездом. Кто-то предложил забрать

яйца с собой, чтобы самим вырастить перепелят. Иван засмеялся:

– Кого же это мы на эти яйца посадим?

– Тебя, – отбрила Лариса.

Все засмеялись, а Иван стал убеждать в том, что гнездо трогать нельзя, потому что перепелка еще может вернуться.

Домой шли возбужденные, усталые, но довольные.

Дежурные встретили вкусным борщом и разваристой кашей с тушенкой. Но всех удивил чай, заваренный какими-то пахучими местными травами. Как оказалось, их им посоветовал директор школы, который приходил утром узнать, не нужно ли чего студентам.

После обеда у всех нашлось занятие. Таня принялась описывать встретившихся в походе птиц, Лариса раскрыла альбом и стала срисовывать этих же птиц из учебника. Остальные готовили отчеты по прошедшему дню, читали газеты, отдыхали.

После ужина Лариса решила почитать книгу, которая приглянулась ей в школьной библиотеке, но тут подошла Рая и сказала, что все собираются в кино.

– Хорошо, – сказала Лариса. – Я сейчас, только деньги возьму.

– Ты что, ничего не знаешь? – удивилась Рая. – Нас же местные ребята пригласили. Бесплатно идем.

В клуб пришли уже в полной темноте, поскольку кино начиналось часов в десять вечера. У дверей клуба стояла сельская молодежь и лузгала семечки, лениво прислонившись к стене. Увидев девчат-студенток, они выстроились «коридором». Девчата подходили к дверям, где стоял парень и громко считал их:

– Одна, две, три...

Наконец, все девчата прошли, и в клубный зал тут же ринулись сельские девчата и ребята. Лариса ничего не знала о договоре своих девчат относительно сегодняшнего вечера. Она и не успела ничего понять, как ее оттеснили от

всех и она оказалась где-то посреди зала в окружении сельских ребят. Впереди, сзади, по бокам – всем очень хотелось знать о них все, поэтому кино почти никто и не смотрел: велась оживленная беседа. Кто-то угощал шоколадом, кто-то пытался получить на свой вопрос ответ, с кем-то спорила о чем-то. Лариса не заметила, как закончилось кино, и все ринулись к выходу. Когда она выбежала на улицу, то никого из своих девчат не увидела. Вокруг все куда-то бежали, не обращая на нее никакого внимания. И она тоже быстро побежала к школе, надеясь догнать своих девчат. Как оказалось, все тоже бежали в ту сторону. Лариса подбежала к школьной двери, но она оказалась закрытой. Тогда она кинулась в сад, куда окнами выходила их комната и постучала в окно. Ей открыли, и, когда она стремглав запрыгнула в комнату, быстро закрыли на все шпингалеты и занавесили окно простыней. Свет не включали. За окном слышался топот многих ног и громкие возбужденные голоса обманутых парней.

Спас положение директор школы, который в этот вечер долго беседовал с ВитВасом в учительской. Он вышел на улицу, и через какое-то время установилась тишина. Девчата тоже успокоились и отправились к мальчишкам в комнату, где еще долго любовались в телескоп ночным небом. Женя играл негромко на гитаре, а Иван рассказывал о звездах и планетах. Разошлись далеко за полночь.

Утром проснулись от громкого разговора на улице. Выйдя во двор, увидели недовольного мужчину, который сердито выговаривал что-то директору и ВитВасу. Как оказалось, это был конюх колхозный, который пришел с жалобой на студентов, мол, это они всем коням на пастбище этой ночью хвосты и гривы обрезали. ВитВас и директор уверяли, что студентам это вовсе ни к чему. Долго шел разговор, но так ничем и не закончился. Все недоумевали: кому и зачем понадобилось портить лошадям хвосты и гривы. Услышав такое, девчата одновременно уставились на Валю. Когда ехали в деревню, она

мечтала раздобыть конских волос для того, чтобы сделать потом неотразимый шиньон, что в тот год было очень модным. Валя отреагировала в своей манере. Она посмотрела на всех недоумевающе:

– А что тут такого? – произнесла она. – Подумаешь! Отрастут еще у коней и хвосты, и гривы.

– Да зачем тебе столько-то? – удивилась Рита. – Или ты десяток шиньонов собираешься заказывать?

– Как получится, – ушла от ответа Валя.

Конечно, этот разговор достоянием всех не стал. Поэтому конюх ушел ни с чем.

Вечером, принимая дежурство на завтра, Люда обнаружила, что лук уже израсходован, и она вместе с Таней отправилась в село, чтобы у хозяек купить зеленый лук. Они шли по улице и заглядывали в огороды. Увидев у одного дома огромную плантацию лука, они постучали в калитку и попросили у вышедшей навстречу женщины продать

им пучок лука. Женщина недружелюбно посмотрела на них и сказала:

– Не на продажу растим. Для себя.

И добавила:

– Никто в деревне сейчас вам лук не продаст.

Она ушла в дом, а девчата стояли в растерянности и не знали, что им делать. В это время к ним подошел один из местных парней. Когда он узнал, что так огорчило девчат, заговорщицки подмигнул им, оглянувшись на дом, около которого они стояли:

– Если выйдете сегодня погулять, то я вам вечером лук принесу бесплатно.

– Выйдем, – отозвалась Люда.

– Вот и отлично, – обрадовался парень.

– Ты что? – возмутилась Таня. – Зачем он нам нужен?

– Ничего, – ответила Люда. – Лишь бы лук принес, а там мы быстро от него отделаемся. Смотри, какая туча заходит. К вечеру точно ливень будет.

Она засмеялась и быстро пошла к школе. Таня посмотрела на небо и удовлетворенно, но молча кинулась догонять подругу.

Вечером, и правда, парень принес целую охапку зеленого лука.

– Где взял-то столько? – испугалась Люда.

– Не волнуйтесь, это я дома вырвал, – ответил парень. – Ну что, пойдем гулять?

В это время темное небо прорезал зигзаг молнии, раздался гром и на землю упали первые крупные капли дождя.

– Ты что, какое «гулять»? Гроза начинается, – притворилась испуганной Люда. – Давай в другой раз.

– Согласен, – ответил парень, повернулся и быстро побежал в сторону деревни. – Только, чур, без обмана!

В тот же вечер ВитВас объявил, что утром после завтрака они возвращаются домой. Практика закончилась неожиданно быстро из-за предстоящей плохой погоды, прогноз которой сообщил директор школы.

Все обрадовались. Не дожидаясь утра, принялись упаковывать вещи, оставляя только те, что понадобятся утром.

– Ты спасена! – Таня, дурачась, налетела на Люду и закружила ее по комнате.

Утром, позавтракав и простившись с директором школы, погрузили вещи на подводу, в которую был впряжен грубо обстриженный конь, все весело отправились налегке к железнодорожному вокзалу. Провожатых не было, поскольку весь деревенский люд, не обращая внимания на погоду, трудился в огородах, в поле, на фермах. К тому же никто и не знал, что студенты так неожиданно соберутся уезжать.

До дому добрались благополучно. Быстро составили отчет по практике, а через два дня уже снова отправились в путь. Предстояла практика по зоологии беспозвоночных...

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
Обида.....	6
Отец	23
Уход.....	30
Косиножка.....	38
Детство Ларисы.....	43
Ценою жизни.....	85
Попутчик	89
Москвичи.....	96
Осенний бал	104
Полтергейст.....	111
Гроза	123
Котенок.....	127
День урожая	131
Свадьба	139
Баня.....	155
Невеста	161
Голубь и Кошка.....	164
Директор.....	168
Конец света	174
Полевая практика.....	179

Литературно-художественное издание

Мазуркевич Лариса Алексеевна

Невыдуманные истории

РАССКАЗЫ

Ответственная за выпуск

Технический редактор

Корректор

Н.Ф. Курган

Е. В. Фадеева

Я. С. Федак

Н. А. Кудоярова

Подписано к печати 14.02.2017 г. Гарнитура Times New.

Усл. печ. лист. 12,93. Тираж 10 экз. Зак. № 42.

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный технический
университет» Автомобильно-дорожный институт
84646, ДНР, г. Горловка, ул. Кирова, 51
e-mail: drukfnf@rambler.ru